

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns surrounds the text.

Вильям Шекспир

МАКБЕТ

Перевод Юрия Лифшица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДУНКАН, король шотландский.

МАЛЬКОЛЬМ } его сыновья.
ДОНАЛЬБАЙН }

МАКБЕТ } полководцы Дункана.
БАНКО }

МАКДАФ }
ЛЕНОКС } шотландские вельможи.
РОСС }
МЕНТЕЙС }
АНГУС }
КЭТНЕС }

ФЛИНС, сын Банко.

СТАРЫЙ СИВАРД, граф, английский полководец.

ЮНЫЙ СИВАРД, его сын.

СЕЙТОН, оруженосец Макбета.

МАЛЬЧИК, сын Макдафа.

АНГЛИЙСКИЙ ВРАЧ.

ШОТЛАНДСКИЙ ВРАЧ.

КАПИТАН.

ПРИВРАТНИК.

СТАРИК.

ЛЕДИ МАКБЕТ.

ЛЕДИ МАКДАФ.

ПРИДВОРНАЯ ДАМА при леди Макбет.

ГЕКАТА.

ТРИ ВЕДЬМЫ, ДУХ БАНКО и ПРОЧИЕ ПРИЗРАКИ.

ЛОРДЫ, ДВОРЯНЕ, ОФИЦЕРЫ, СОЛДАТЫ, НАЕМНИКИ,

СЛУГИ и ГОНЦЫ.

Место действия — Шотландия, Англия.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Пустынное место. Гром и молния.

Входят три ВЕДЬМЫ.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Когда же, сестры, снова нас
Сведет грозы и ливня час?

ВТОРАЯ ВЕДЬМА. Когда средь дыма и огня
Победой кончится резня.

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА. При свете будущего дня.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Где мы сойдемся?

ВТОРАЯ ВЕДЬМА. На юру.

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА. Макбет придет туда к утру.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Но кот Греймокин нас зовет.

ВТОРАЯ ВЕДЬМА. И жаба.

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА. Нам пора в полет.

ВСЕ. Зло добрым будь, добро будь злым.

В чумном тумане воспарим!

(Исчезают.)

Сцена вторая

Боевой стан под Форресом. За сценой шум схватки.

*Входят ДУНКАН, МАЛЬКОЛЬМ, ДОНАЛЬБАЙН, ЛЕНОКС
и СВИТА. Навстречу им выходит раненый КАПИТАН.*

ДУНКАН. Кто этот человек? Он весь в крови
И, судя по всему, доложит нам
О том, как бой с мятежником идет.

МАЛЬКОЛЬМ. Да это же мой храбрый капитан!
Рубака славный. Как-то раз в сраженье
Он выручил меня. — Привет, дружище!
Рассказывай скорее королю,
К чему шла битва при твоём уходе.

КАПИТАН. Пока все очень зыбко. Мы и враг
Сплелись, как два дерущихся пловца.
Макдональд злобный, сущий бунтовщик,
Вместилище немислимых беспутств,
Навербовал отряд головорезов
На западных ирландских островах.
Сперва Фортуне в радость был раздор
И спуталась с мятежником блудница —
Но просчиталась! Плюнув ей в лицо,
Храбрец Макбет, возлюбленный отваги —
Он прозвище такое заслужил, —
Крушил все на своем пути и вскорее
С предателем столкнулся. Не сказав
Врагу ни «здравствуй», ни «прощай», Макбет
Мечом, дымящимся от крови жертв,
Распотрошил презренного раба,
А голову на пику насадил.

ДУНКАН. Кузен отважный! Истинный джентльмен!

КАПИТАН. Но как луч солнца будит иногда
Шторм кораблекрушительный и бурю,
Так и родник заслуженной победы
Взбурлил рекой нежданной беды.
Узнай, король Шотландии, узнай:
Едва закон, на силу опираясь,
Врага заставил пятки показать,
Норвежец, миг удобный улучив,
Велел полкам отборным из засады
Атаковать нас.

А титул тана перейдет к Макбету.
Поздравь его.
РОСС. С охотой.
ДУНКАН. Новый тан
Получит все, что не ценил смутьян.

(Уходят.)

Сцена третья

Степь. Гремит гром.

Входят три ВЕДЬМЫ.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Что делала, сестра?
ВТОРАЯ ВЕДЬМА. Свиной морила.
ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА. А ты, сестра?
ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Была у капитанши.
Она в подол каштанов набрала
Да щелк-пощелк. Ну я и попроси
У ней каштана. Та как завопит:
«Проваливай, колдунья!» Муж толстухин
На бриге «Тигр» отправился в Алеппо.
Ужо я в сито заберусь,
Бесхвостой крысою пушусь
За ним вдогон, вдогон, вдогон!
ВТОРАЯ ВЕДЬМА. Я ветер дам, сестра.
ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Спасибо, ты добра.
ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА. Прибавь и мой к нему.
ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Я и свои возьму.
Облетев порты и страны,
Все моря и океаны,
Как задуют судну в ют, —
Моряка с ума сведут.
Высохнет, как сено, он,
Сна и отдыха лишен.
Дни и ночи напролет
Глаз уставших не сомкнет.

Суток пятью двадцать пять
Будет чахнуть и скучать.
Но, штормами изнурен,
Судна не утратит он.
Гляньте, что нашла я!

ВТОРАЯ ВЕДЬМА. Что?

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Это палец моряка,
Что утоп у маяка.

За сценой бой барабана.

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА. Барабаны бьют чуть свет.

Приближается Макбет.

ВСЕ. Ну-ка, сестры, с ворожкой

Пронесемся над землей.

По три раза, друг за другом,

По три круга, круг за кругом,

Ровно девять раз подряд.

Стойте, сестры, круг заклят!

Входят МАКБЕТ и БАНКО.

МАКБЕТ. Не знаю дня сквернее и светлей.

БАНКО. Эй, женщины!.. Но выглядят они

В своих одеждах странных жутковато.

На этом свете нет существ, похожих

На выходцев с того, — но вот они!

Вы живы, нет? Вы слышите меня?

Похоже, слышат, если приложили

Ко ртам увядшим скрюченные пальцы.

Но что это? Есть бороды у них!

Подобных женщин сроду я не видел.

МАКБЕТ. Скажите, если можете, вы кто?

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Будь счастлив ты, гламисский тан Макбет!

ВТОРАЯ ВЕДЬМА. Будь счастлив ты, кавдорский тан Макбет!

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА. Будь счастлив, будущий король Макбет!

БАНКО. Что вздрогнул ты? Таких приятных слов

Пугаться не пристало. Бога ради

Скажите, привиденья вы или нет?

Узнал от вас мой спутник благородный,

Что он велик, вновь будет возвеличен,

Что обретет величье короля.

Он весел. А меня вы обошли.

Иль изумляться доблести твоей.
Весь день он ничего не говорил
При новостях о подвигах твоих:
О том, как ты норвежцев разгромил,
И как, смеясь над смертью многоликой,
Ты сеял смерть на поле боевом.
Посыльный за посыльным шли дождем
И расточали похвалу тебе
Пред королем, которого ты спас.

АНГУС. Дункан тебя за все благодарит
И жаждет видеть, чтобы наградить.

РОСС. Но, предваряя милости, король
Велел сказать, что Кавдор ты теперь
И с этим, славный тан, тебя поздравить.

БАНКО (*в сторону*). Ого! И черти правду говорят?!

МАКБЕТ. Мне краденое платье не к лицу:
Кавдорский тан, по-моему, в живых.

АНГУС. Да, бывший тан в живых, но он умрет.
Он обвинен серьезно: или в том,
Что перешел на сторону норвежцев;
Или поддерживал бунтовщиков;
Или, во вред шотландскому народу,
Был другом тем и этим, — не скажу.
Вина его доказана, и он
Сознался в ней и на смерть осужден.

МАКБЕТ (*в сторону*).

Итак, я — тан гламисский, тан кавдорский
И, может быть, впоследствии король.

(РОССУ и АНГУСУ.)

Спасибо вам большое за труды.

(К БАНКО.)

Ну что, теперь ты веришь предсказаниям?
Твои потомки выйдут в короли —
Ведь Кавдором я стал.

БАНКО (МАКБЕТУ). И посему
Не прочь ты к сану Кавдора прибавить
И титул королевский? Берегись.
Порою, в искушение нас вводя,
Нам силы ада истину вещают,

Смущают исполненьем пустяка,
Чтоб в яму зла грядущего столкнуть.

(РОССУ и АНГУСУ.)

Скажите, господа...

(Отходит вместе с ними в сторону.)

МАКБЕТ (*в сторону*). И так, свершилось!
Пролог великой пьесы о величье
Я, как актер великий, разыграл.

(РОССУ и АНГУСУ.)

Премного благодарен, господа.

(*В сторону.*)

Чудовищное это наважденье
Не может быть ни злом и ни добром.
Допустим, это зло. Тогда зачем
Правдивое событие предвестило
Успех в грядущем? Я — кавдорский тан.
А если, предположим, все к добру,
То почему от жуткого намека
Мутится разум, волосы встают
И сердце бьется бешено в груди?
Гораздо легче ужас очевидный,
Чем страх надуманный, переносить.
Я лишь вообразил себя убийцей —
И существо расстроено мое,
Парализовано воображеньем;
И то, чего не может быть и нет,
Берет за горло.

БАНКО (РОССУ и АНГУСУ). Как он замечтался!

МАКБЕТ (*в сторону*). Так пусть же случай делает меня,
Без моего посредства, королем!

БАНКО. Макбету милость новая тесна,
Как неизношенное одеянье.

МАКБЕТ (*в сторону*). Да будет так! Бегут за днями дни,
Как тяжки б ни казались нам они.

БАНКО. Мы ждем тебя, прославленный Макбет.

МАКБЕТ. Прошу прощенья, милые друзья.

Мой дух забылся. В памятную книгу
Впишу услугу вашу, чтоб о ней
Читать всю жизнь. Идемте к королю.

(К БАНКО.)

О том, что приключилось, поразмысли.
А позже время выберем открыть
Друг другу душу.
БАНКО (МАКБЕТУ). Буду очень рад.
МАКБЕТ (БАНКО). На том и порешим. — Друзья, идемте.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Форрес. Комната в замке.

*Трубы. Входят ДУНКАН, МАЛЬКОЛЬМ, ДОНАЛЬБАЙН,
ЛЕНОКС и СВИТА.*

ДУНКАН. Что с Кавдором? Вернулись те, кому
Его мы приказали обезглавить?
МАЛЬКОЛЬМ. Пока что нет. Но Кавдор умерщвлен.
И тот, кто был при этом, доложил,
Что тан во всем пред вами повинился,
Просил забыть предательство свое
И очень о содеянном жалел.
Он смертью искупил никчемность жизни
И умер так, как будто бы весь век
Готовился бесценный дар природы
Брезгливо, как подачку, оттолкнуть.
ДУНКАН. Нет, к сожаленью, средства по глазам
Проверить состояние души.
А дворянину этому всецело
Мы доверяли.

Входят МАКБЕТ, БАНКО, РОСС и АНГУС.

Доблестный кузен!

ДУНКАН. Мы похвалами доблести его,
Как яствами, насытиться не можем.
Ну, милый Банко, поспешим за ним.
Уехал, чтобы нас принять достойно,
Наш несравненный подданный и друг.

(Трубы. Все уходит.)

Сцена пятая

Инвернес. Покои в замке Макбета.

Входит ЛЕДИ МАКБЕТ, читая письмо.

ЛЕДИ МАКБЕТ. «Они попались мне на пути в день моего триумфа, и я сразу убедился в их сверхъестественной осведомленности. Я загорелся желанием расспросить их, но они внезапно растаяли и смешались с воздухом. Пока я стоял, не зная, что и думать об этом чуде, подоспели королевские гонцы и объявили мне, что я стал кавдорским таном. Но ведь именно таким титулом за несколько минут до приезда послов величали меня эти ведьмы и, мало того, вселили в меня некоторые надежды словами: «Будь счастлив, будущий король!» Я рассудил за благо написать обо всем тебе, чтобы ты, дорогая соучастница моего грядущего возвышения, будучи не осведомлена о нем, не осталась без причитающей тебе доли радости. Замкни все вышесказанное в сердце, и до встречи».

Возможно, тан гламисский и кавдорский,
Все будет так. Но мне ль тебя не знать?
Ты млеком человечности испорчен
И не поставишь на один удар.
Тщеславен ты, но даже ради славы
В подручные злодейство не возьмешь.
Ты жаждешь власти — только не без чести.
Пренебрегаешь грязною игрой,
Хотя ее плодов не отвергаешь.
Ты, мой великий Гламис, слышишь глас:
«Ты должен это дело совершить!» —
Но делать — страшно, а не делать — жаль.
Спешу к жене, и женщина твоя

Тебя, мужчину, воодушевит,
Расскажет, как добыть себе венец,
Возложенный, как может показаться,
Химерами и роком на тебя.

Входит СЛУГА.

Чего тебе?

СЛУГА. К нам едет государь.

ЛЕДИ МАКБЕТ. В уме ли ты? При нем твой господин.

Он мог об этом лично сообщить.

СЛУГА. Прощения прошу, но это правда.

Тан будет здесь с минуты на минуту.

Вот что гонец, им высланный вперед,

Успел сказать, не в силах отдышаться.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Он с доброй вестью: послужи ему.

(СЛУГА уходит.)

На башне ворон криком подавился,
Накаркав посещение короля.
Слетайтесь, духи мерзостных желаний,
И сделайте бесполою меня;
Свирепостью набейте мне утробу;
Сверните кровь; врата заколотите,
В которые проскальзывает совесть,
Чтоб жалость человечья не смогла
Путь преградить намереньям жестоким.
Бесчувственные демоны-убийцы,
Бесплотные вершители злодейств,
К моим грудям — не молоком, а желчью
Набухшим, — присоситесь! Мрак полночный,
Туманом серным ада затянись!
Чтобы кинжал вслепую поражал,
А небо не сумело бы прорвать
Попону тьмы и прокричать: «Опомнись!»

Входит МАКБЕТ.

Великий Гламис! Кавдор величайший!
В грядущем — возвеличенный вдвойне!
Заставило меня твое письмо
О настоящем времени забыть

ЛЕДИ МАКБЕТ. А ты как думал?

МАКБЕТ. Забудем наши планы. Я в чести.

Меня он ценит. Или я купил
Народного признанья позолоту,
Чтоб не блистать, а тут же соскоблить?

ЛЕДИ МАКБЕТ. Ты, что же, подпоил свою мечту?

Теперь она очухалась и пьялит
Зеленовато-мутные глаза
На пьяную разнузданность свою?
Твоей любви отныне грош цена.
Иль страшно стало делом доказать
Бесстрашие, которым хвастал ты?
Имеешь ли ты право помышлять
О том, что смыслом жизни признаешь,
И жить в сознание низости своей?
Совсем как кот: и рыбку изловить,
И выйти из воды сухим...

МАКБЕТ. Довольно!

Я все могу, что по плечу мужчине.
Кто может сверх того...

ЛЕДИ МАКБЕТ. Какой же зверь

В тебя вселился и меня смутил?
Открывшись мне, мужчиною ты был.
А если станешь выше, чем ты есть,
Возвысишься тогда и как мужчина.
Ни с временем, ни с местом в прошлый раз
Нам не везло, но ты же их искал.
Все наконец сошлось — а ты в кусты?
Рожала я и помню, как я млела,
Когда пускал младенец пузыри
Или сосал мне грудь. Но если б я
Клялась, как ты, а он бы мне мешал, —
Я вырвала бы грудь из мягких десен —
И брызнули б мозги его на стену!

МАКБЕТ. А если план сорвется?

ЛЕДИ МАКБЕТ. План сорвется!

Скрути жгутом бесстрашие свое,
И не сорвется. Только сморит сон
Уставшего с дороги короля,
Я подпою охранников его.
Мозги их, разогретые вином,
В реторты превращенные, — вскипят,
И забурлит и паром изойдет

Сознание, охраняющее мозг.
Когда ж уснут мертвецки эти свиньи,
То неужели у тебя, мужчины,
Не хватит духу на один удар?
Не хватит духу устранить Дункана
И пьяных слуг в убийстве обвинить?

МАКБЕТ. Ты рождена рожать одних мужчин.

Твоей отважной сущности пристало
Производить солдат. А если мы
Измажем кровью спящих часовых,
Использував ножи их, — кто посмеет
Сказать, что не преступники они?

ЛЕДИ МАКБЕТ. Да кто рискнет сказать иное, слыша,
Как мы над трупом будем голосить?

МАКБЕТ. Уговорила. С силами собравшись,
Склонился я к ужасному решению.
Вернемся к ним с весельем показательным,
Радущья ложью ложь души затмим.

(Уходят.)

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Инвернес. Двор в замке Макбета.

Входит БАНКО. Перед ним идет ФЛИНС с факелом.

БАНКО. Который час, сынок?

ФЛИНС. Отец, не знаю.

Но месяц скрылся.

БАНКО. Стало быть, двенадцать.

ФЛИНС. Нет, больше.

БАНКО. Помоги-ка снять мне меч.

Не жжет свечей рачительное небо.

Возьми же меч мой. Заливает сон

Меня свинцом, но не могу уснуть.

О, силы света, разгоните мрак
Души моей, рожденный тьмой!

Входят МАКБЕТ и СЛУГА с факелом.

Подай мне меч. — Стой! Кто идет?

МАКБЕТ. Свои.

БАНКО. Как! Ты не лег? Король был в восхищенье
И перед сном подарками осыпал
Дворцовых слуг. А этим бриллиантом
Почтил он несравненную хозяйку,
Твою супругу. В чудном настроенье
Он удалился в спальню.

МАКБЕТ. Из-за спешки

Мы приняли величество его
Не так, как подобало бы принять.

БАНКО. Все было хорошо, не прибудняйся.
А мне вчера приснились те колдуны.
Они тебя почти не провели.

МАКБЕТ. Забыл об этом я. Но если хочешь,
Мы выкроим часок для разговора
О предсказаньях.

БАНКО. Я к твоим услугам.

МАКБЕТ. Поверь в меня — и рано или поздно
Добьешься славы.

БАНКО. Если не утрачу,

Гонясь за славой, совести и чести,
Не обесславлю собственное имя,
Тебе я вверюсь.

МАКБЕТ. Что ж, приятных снов.

БАНКО. Благодарю. Таких же и тебе.

(БАНКО и ФЛИНС уходят.)

МАКБЕТ. Пред тем, как лечь, миледи передай
Чтобы, питье мне сделав, позвала.

(СЛУГА уходит.)

Что вижу, Боже! В воздухе кинжал!
И рукояткой тянется к руке.
Ты предо мной — но в руки не даешься;
Схватить нельзя — но вижу я тебя.
Наверно, ты — губительный мираж,

Раз можно видеть, но не осязать.
Иль ты воображаемый кинжал,
Больных души и мозга порожденье?
Ты для меня едва ль не ощутишь
Того, который в ножнах у меня.
Ты стал путеводителем моим,
Чудовищного замысла ключом.
Глаза мои глумятся надо мной
Или другие чувства превосходят, —
Но ты przede мною, и в крови,
Которой прежде не было и быть
Не может, твой клинок и рукоятка:
Предстало мне предвестье дел кровавых. —
Полмира в полумертвом забвенье;
Под шторой сна кривляются химеры;
Слетаются, чтоб жертву принести
Гекате бледной, духи чародейства;
Завыли волки, подали сигнал
Тщедушного убийства сторожа,
И, словно привидение, оно
Тарквиниевым крадущимся шагом
К заветной цели медленно скользит.
Земля! Устойчивое основание!
За мной, куда иду я, не следи.
Не то об этом камни прокричат,
Отняв у тьмы ей свойственный кошмар! —
Но я все здесь, а он вкушает сон.
Боюсь, что пыл мой речью охлажден.

За сценой звон колоколов.

Опять звонят. Пора. Пора. Пора...
Дункан, не слушай: эти голоса
Тебя шлют в пекло иль на небеса.

(Уходит.)

Сцена вторая

Там же.

Входит ЛЕДИ МАКБЕТ.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Что их сморило — тем я возбудилась.
Что потушило их — тем я горю.
Но тише!
Зловеще ухнул филин, вестник смерти,
Как будто доброй ночи пожелал.
Макбет уж там. У двери часовые
Храпят вовсю, о долге позабыв.
Я опоила их, и жизнь со смертью
За них друг с другом борются теперь.

МАКБЕТ (*за сценой*). Кто это? Кто?

ЛЕДИ МАКБЕТ. Да что ж он так кричит!
Подымет сторожей, и нас казнят
За умысел, а не за покушение.
Оружье слуг не мог он не найти —
Ножи я положила на виду.
Управилась бы я и без него,
Но схож Дункан во сне с моим отцом.
Ну, наконец-то! Вот и он!

Входит МАКБЕТ.

МАКБЕТ. Свершилось!
Все было тихо?
ЛЕДИ МАКБЕТ. Стрекотал сверчок
Да ухнул филин. Ты-то что кричал?
МАКБЕТ. Когда?
ЛЕДИ МАКБЕТ. Сейчас.
МАКБЕТ. Когда спускался?
ЛЕДИ МАКБЕТ. Да.
МАКБЕТ. Молчи!.. Кто спит в той спальне?
ЛЕДИ МАКБЕТ. Дональбайн.
МАКБЕТ (*указывая на свои руки*).
Прискорбно это зрелище, жена.
ЛЕДИ МАКБЕТ. Одни глупцы от этого скорбят.
МАКБЕТ. Один всхрапнул, другой вскричал: «Убийца!»
И вдруг проснулись. Я похолодел.
Но тут они уснули, помолясь.
ЛЕДИ МАКБЕТ. Они уснут надолго.

МАКБЕТ. Первый крикнул:
«Храни нас Бог!» Второй в ответ: «Аминь!» —
Как будто открестились от меня,
Увидев окровавленные руки.
Но странно, что на крик «Храни нас Бог!»,
Я не сумел «Аминь!» проговорить.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Об этом не советую и думать.

МАКБЕТ. Но почему я не сказал «Аминь»?
Благословенья жаждала душа —
Сказать «Аминь» язык не повернулся.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Такие вещи лучше позабыть —
В уме серьезно можешь повредиться.

МАКБЕТ. Я словно крик услышал: «Просыпайтесь!
Убили сон! Зарезали во сне!
Макбетом сон убит!» Невинный сон!
Узлы забот развязывает он,
Навеки усыпляет день за днем,
Натруженное тело омывает,
Врачует душу, яства подает
Отборные на жизненном пиру...

ЛЕДИ МАКБЕТ. Да что с тобой?

МАКБЕТ. Кричало все кругом:
«Навеки сон уснул! Убит во сне
Он Гламисом, и Кавдору теперь
Не видеть сна, Макбету сна не видеть!»

ЛЕДИ МАКБЕТ. Послышалось. Мой доблестный супруг,
Избавился б ты лучше от улик —
Умыл бы руки, чем свой мощный ум
Безумием таким отягощать.
А почему ножи с тобой? Вернись
И об одежду слуг их оботри.

МАКБЕТ. О том, что натворил я, — страх помыслить,
А вновь увидеть это... Ни за что!

ЛЕДИ МАКБЕТ. Какой ты слабовольный. Дай сюда.
Что спящий, что покойный — все картинки.
Пугают нарисованные черти
Одних детишек. Если каплет кровь,
Слуг ею разрисую, чтоб на них
Пал этот грех.

(Уходит.)

Стук за сценой.

Сцена третья

Там же.

Стук за сценой. Входит ПРИВРАТНИК.

ПРИВРАТНИК. Вот это, я понимаю, стучат! Адская, надо полагать, работа — быть привратником в преисподней! Небось вечно ворота нараспашку. (*Стук за сценой.*) Вот ведь расстучались! Кто там, Вельзевула на вас нет? Скорее всего, это фермер, который удавился, предвидя невиданный урожай. Как раз вовремя. Хорошо, если платки с собой прихватил: вспотеет на сковороде-то. (*Стук за сценой.*) Вот расстучались! Кто там, побери вас черт, кроме Вельзевула! Ба, да это лжесвидетель, который ложно клялся и нашим и вашим, облыгал кого ни попадя во имя Господне, но рая для себя так и не выгнал. Что ж, входи, лжесвидетель. (*Стук за сценой.*) Вот расстучались! Кто же на этот раз? Так и есть. Английский портной, урезавший французские штаны, чтобы самому без штанов не остаться. Проходи, портной, здесь найдется уголек для твоего утюга. (*Стук за сценой.*) Вот расстучались с утра пораньше! Не дают ни отдыху ни сроку. Кого там еще несет? Нет, для пекла здесь, пожалуй, холодновато будет. Того и гляди замерзнешь на этой чертовой должности — впускать разношерстную публику, бредущую тропой утех к нам, в геенну огненную. (*Стук за сценой.*) Да сейчас, сейчас. И уделите что-нибудь привратнику. (*Отпирает ворота.*)

Входят МАКДАФ и ЛЕНОКС.

МАКДАФ. Ты поздно лег, наверное, дружище,

Что дрыхнешь допоздна?

ПРИВРАТНИК. Вы правы, сэр. Мы нынче чуть ли не до третьих петухов пили, а пьянство, сэр, на всякого воздействует трояко.

МАКДАФ. Как так?

ПРИВРАТНИК. А вот как: винопитие, сэр, содействует появлению красного носа, мертвецкого сна и мочеизлияния. А вот на похоть, сэр, оно оказывает действие с противодействием: под действием вина разгораешься, а как доходит до дела — бездействуешь. Словом, вино ведет себя с похотью как чистый стрекулист: и толкает, и ножку ставит; и настраивает, и расстраивает; и заманивает, и обманывает; и поднимает, и опускает; с ног сбивает и, повалив, бросает.

МАКДАФ. Вот и тебя оно, по-моему, завалило.

ПРИВРАТНИК. Поверите ли, сэр, прямо в глотку вцепилось.

Но я ему за все отомстил. Не сдюжило оно против меня: и в ноги мне бросилось, и наизнанку чуть не вывернуло, но я его все-таки изгнал.

МАКДАФ. Поднялся твой хозяин?

Входит МАКБЕТ.

Вот и он.

Мы так стучали в дверь, что он проснулся.

ЛЕНОКС. День добрый, сэр.

МАКБЕТ. День добрый, господа.

МАКДАФ. Король не пробудился?

МАКБЕТ. Нет пока.

МАКДАФ. Мне велено явиться поутру.

Я задержался.

МАКБЕТ. Я вас провожу.

МАКДАФ. Я за услугу вас благодарю,

Но это все же труд.

МАКБЕТ. Но труд приятный

Ничуть не унижает. Мы пришли.

МАКДАФ. Осмелюсь разбудить. По долгу службы.

(Уходит.)

ЛЕНОКС. Король уедет нынче?

МАКБЕТ. Собирался.

ЛЕНОКС. Какой был ветер нынешнею ночью!

Труба упала наземь с крыши дома,

Где мы остановились ночевать;

А в воздухе звучали, говорят,

Мольба и стоны, вопли и проклятья,

Суля и мор, и ужасы войны,

И новые неслыханные беды.

Земля пылала жаром и дрожала,

И совы не давали ночью спать.

МАКБЕТ. Да, ночь была страшна.

ЛЕНОКС. Подобной ночи

Не помню я по молодости лет.

Возвращается МАКДАФ.

МАКДАФ. О ужас, ужас! Ужас несказанный!

Невыразимый чувством никаким!

МАКБЕТ и ЛЕНОКС. Что там стряслось?

МАКДАФ. Чудовищное дело!
Осквернена преступником святыня!
Разрушен храм помазанника Божья!
Разбита жизнь!

МАКБЕТ. Я что-то не пойму.
Разбита жизнь?

ЛЕНОКС. Особы августейшей?

МАКДАФ. Войдите в спальню. Спрашивать не надо.
Вы там окаменеете, взглянув
На лик Горгоны!

(МАКБЕТ и ЛЕНОКС уходят.)

Встаньте! Встаньте! Встаньте!
Измена! Банко! Дональбайн! Малькольм!
Не время спать! Восстаньте ото сна,
Похожего на смерть, и посмотрите
На смерть, столь непохожую на сон!
Малькольм и Банко! В колокол ударьте!
Вставайте, как из гроба мертвецы,
И от подобья Страшного суда
Придете в ужас! Колокол, звони!

Звон колокола.

Входит ЛЕДИ МАКБЕТ.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Чей это голос на манер трубы
Всех переполошил с утра пораньше?

МАКДАФ. Я, леди, вам об этом не скажу.
Такая весть убийственна для женщин.

Входит БАНКО.

О Банко, Банко! Наш король убит!

ЛЕДИ МАКБЕТ. Как? Здесь? У нас?

БАНКО. А разве важно — где?
Макдаф, ты, видимо, оговорился
Иль пошутил? Но так нельзя шутить.

(Возвращаются МАКБЕТ и ЛЕНОКС.)

МАКБЕТ. Вернуться бы на полчаса назад
И умереть, судьбу благословляя!

А что теперь? Пропала жизнь моя.
Все суета. Величие погибло.
Ушло вино из чаши бытия,
И нет в ней, кроме гущи, ничего.

Входят МАЛЬКОЛЬМ и ДОНАЛЬБАЙН.

ДОНАЛЬБАЙН. Что тут у вас?

МАКБЕТ. Не знать бы вам того!

Иссяк родник, источник вашей крови,
Исток обильной водами реки.

МАКДАФ. Ваш августейший батюшка убит.

МАЛЬКОЛЬМ. О Боже! Кем? Когда?

ЛЕНОКС. Я полагаю,

Его телохранителями. Ночью.
Не только кровь на лицах и руках
Их выдает, но кровь и на ножах,
Лежавших под подушками у них.
Убийцы были явно смущены.
Им государь напрасно доверял.

МАКБЕТ. Досадно мне, что я в порыве гнева

Прикончил их.

МАКДАФ. Зачем ты поспешил?

МАКБЕТ. А ты бы мог в несчастье быть мудрым,

Спокойным в гневе, ледяным в любви?

От горя обезумевшая верность

Оторопевший ум обогнала.

Дункан был на постели распростерт;

Кровь золотила кожи серебро;

Телесный бастион, в который с бою

Вломилась смерть, проломамы пестрел.

Расцвеченные делом рук своих,

Убийцы спали подле короля,

Ножи не удосужась отереть.

Кто с мужественной пылкою душою

Здесь обуздал бы пыл своей души?

ЛЕДИ МАКБЕТ. На помощь!

МАКДАФ. Помогите госпоже!

МАЛЬКОЛЬМ (ДОНАЛЬБАЙНУ).

Что ж мы-то прикусили языки?

У нас отец убит, а мы молчим.

ДОНАЛЬБАЙН (МАЛЬКОЛЬМУ).

Не говорить здесь надо, а бежать.

Того и жди — достанется и нам.
Да и не время слезы проливать.
МАЛЬКОЛЬМ (ДОНАЛЬБАЙНУ).
Да, здесь о мести и не заикайся.
БАНКО. На помощь госпоже!

(ЛЕДИ МАКБЕТ уносят.)

Чтоб не замерзнуть,
Давайте все поднимемся к себе,
Оденемся и возвратимся снова
Кровавое деянье обсудить.
Напуганы мы и потрясены.
Но Богу всемогущему веряясь,
Я с подлым и невидимым врагом
Вступаю в смертный бой.
МАҚДАФ. И я.
ВСЕ. И мы.
МАКБЕТ. Как воинам пристало снарядимся
И спустимся сюда.
ВСЕ. Так и поступим.

(Все, кроме МАЛЬКОЛЬМА и ДОНАЛЬБАЙНА уходят.)

МАЛЬКОЛЬМ. Что будем делать? Нам не место здесь.
Преступники сочувствуют прилюдно.
Я в Англию, наверное, подамся.
А ты?
ДОНАЛЬБАЙН. А я — в Ирландию тогда.
Разъехаться нам надо. Так надежней.
А тут на нас кинжал с улыбкой точат,
Свои по крови кровь по-свойски льют.
МАЛЬКОЛЬМ. Уже из лука выстрелил злодей.
Но мы не бессловесные мишени.
Спасемся, если сядем на коней,
Не тратя слов прощальных, и — вперед.
Украл себя у смерти, ты не вор,
Когда тебе подписан приговор.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Возле замка Макбета.

Входят РОСС и СТАРИК.

СТАРИК. Мне семьдесят, и на своем веку
Каких я только ужасов не видел,
Чего не пережил, но все забава
Пред этой страшной ночью.

РОСС. Да, старик.

Давно уж день, но солнечный восход
Проглочен тьмою. Ночь возобладала
Иль совестно заре, но лик земли
Весь почернел без ласковых лучей.
Рассерженно взирают небеса
На окровавленную сцену мира.

СТАРИК. Да, противоестественная мгла.
Как смерть монарха, впрочем. А во вторник
Мышатник-сыч на сокола напал
И умертвил.

РОСС. А рысаки Дункана,
Его чистопородные красавцы,
Почувствовали вольными себя,
Конюшню разнесли и ускакали,
Как бы желая людям отомстить.
Вот чудеса!

СТАРИК. А правда, что они
Друг друга перегрызли?

РОСС. Я свидетель.
Мне жутко до сих пор. Вот и Макдаф.

Входит МАКДАФ.

Какие вести, сэр?

МАКДАФ. А ты не знаешь?

РОСС. А кто преступник, выяснили вы?

МАКДАФ. Убитые Макбетом.

РОСС. Быть не может!

Какая им в том выгода была?

МАКДАФ. Подкуплены. Малькольм и Дональдбайн,

Сыны Дункана, скрылись под шумок.

На братьев-то и пало подозрение.

РОСС. Отцеубийцы! Смысла лишено

Чудовищное это властолюбье.
Макбету выпадает посему
Стать королем.

МАКДАФ. А он уже король,
И в Скон отправился короноваться.

РОСС. Где прах Дункана?

МАКДАФ. Увезли в Кольм-килл.
Там, в родовой гробнице королей
Святые кости спят.

РОСС. Ты едешь в Скон?

МАКДАФ. Я еду в Файф, кузен.

РОСС. А я поеду.

МАКДАФ. Как знаешь. Платье старое не жмет,
А новое — порой наоборот.

РОСС. Прощай, старик.

СТАРИК. Благослови вас Бог!
И с вами всех, кто уберечь готов
Добро от худа, братьев от врагов.

(Уходят.)

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Форрес. Комната в замке.

Входит БАНКО.

БАНКО. Ну вот, кавдорский тан, ты и король,
Как возвестили вещие колдуньи.
Но, думаю, ты сподличал в игре.
Они же напророчили, однако,
Что не царить наследникам твоим,
Что корнем династического древа
Я должен стать. А судя по тому,
Что освещен ты правдой предсказанья,
Моим надеждам сбыться суждено.
Как ведьмам не поверить? Но молчок...

Трубы. Входят МАКБЕТ и ЛЕДИ МАКБЕТ в королевском облачении, ЛЕНОКС, РОСС, ЛОРДЫ, ЛЕДИ и СВИТА.

МАКБЕТ. Вот наш ближайший друг.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Не будь его,

Расстроилось бы наше торжество,

Как ни прискорбно это сознавать.

МАКБЕТ. Сегодня пир, и вы приглашены.

БАНКО. Я вашему величеству послушен.

Надежно узы верности моей

Меня к вам привязали, государь.

МАКБЕТ. Ну, а сейчас вы едете?

БАНКО. Так точно.

МАКБЕТ. А я ведь так надеялся услышать

Ваш мудрый и оглядчивый совет.

Перенести на завтра совещанье

Придется нам. Вам ехать далеко?

БАНКО. Далековато, государь, но я

До вечера надеюсь обернуться.

А если загоню коня, придется

Часок-другой у ночи признаться.

МАКБЕТ. Не опоздайте к пиру.

БАНКО. Постараюсь.

МАКБЕТ. Один из братьев в Англию подался,

В Ирландию отправился другой.

Отцеубийцы ложь распространяют,

Клянутся в невинности своей.

Об этом завтра мы поговорим,

Как и о прочих нуждах государства.

Прощайте и скорее возвращайтесь.

Вы Флинса забираете с собой?

БАНКО. Да, государь. И нам уже пора.

МАКБЕТ. Пусть будут ваши лошади, которым

Вам жизнь свою доверить предстоит,

Надежны и резвы. Итак, прощайте.

(БАНКО уходит.)

Пусть каждый сам собой располагает

Вплоть до семи. Уединюсь и я.

А общею беседой насладимся

За ужином. Храни вас Бог, друзья!

(Все, кроме МАКБЕТА и СЛУГИ, уходят.)

Эй, задержись! Исполнен наш приказ?
Те люди подошли?

СЛУГА. Да, государь.

Ждут у ворот.

МАКБЕТ. Давай-ка их сюда.

(СЛУГА уходит.)

Стать, кем я стал, — не стоило труда,
Коль скоро я с опаскою живу.
Поистине, я Банко опасаясь.
Господствует в нем царственное что-то,
Которое внушает мне боязнь.
Он безрассудно смел, но в состоянье
Рассудком безрассудство обуздать.
Никто мне не опасен, только он.
Он даймона смущает моего,
Как Цезарь Марк Антония смущал.
Сивиллы, посулившие мне трон,
Не испугали Банко, а напротив,
Подвигнули на дерзкие расспросы,
И будет он династии отцом.
А мне дана бесплодная корона.
Неплодотворным скипетром моим
Владеть не сыну, неродные руки
Возьмут державу. Что же получилось?
Я ради внуков Банко согрешил?
Зарезал милосердного Дункана
И отравил покой свой ради них?
Пожертвовал лукавому врагу
Нетленное сокровище свое,
Чтоб вышли внуки Банко в короли?!
Ну, что ж, судьба, я принимаю бой!
Посмотрим, кто кого! — Кто там идет?

Входит СЛУГА с двумя НАЕМНИКАМИ.

Оставь нас. Будет нужно — позову.

(СЛУГА уходит.)

Вчера я с вами, что ли, говорил?

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. Да, с позволенья вашего, милорд.

МАКБЕТ. И вы, надеюсь, поняли меня?

Он ваши судьбы исковеркал, он,
В чем вы меня напрасно обвиняли.
Я досконально вам растолковал,
Кто вас давил, кто жить вам не давал
И кто вредил вам. Словом, надо быть
Полубезумным или идиотом,
Чтоб не сказать: «Здесь Банко виноват».

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. Теперь мы это скажем, государь.

МАКБЕТ. Продолжим наш вчерашний разговор.

Вы или терпеливы от рожденья,
Что мучить позволяете себя,
Или велит вам долг христианина
За ближнего и отпрысков его
Молиться, несмотря на то, что он
Гноит вас, ваших близких разоряет?

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. Увы, мы только люди, государь.

МАКБЕТ. Вы, безусловно, числитесь людьми, —

Как, например, собаками зовут
И гончих, и овчарок, и дворняг.
Но псам не одинакова цена:
Спокойным, шустрым, умным, пустолайкам,
Сторожевым, охотничьим, — которым
В согласии со свойствами породы,
Какие им природою даны,
Придумана добавочная кличка.
Вот так и у людей. И если вы
По мужеству отнюдь не рядовые,
Мужское дело я вам предложу.
Вы и врага тем самым устранили,
И нашу завоеуете любовь.
Пока он жив, мы с вами умираем;
Как он умрет, мы с вами оживем.

ВТОРОЙ НАЕМНИК. Я так измучен жизнью, государь,

И так озлоблен, что готов обрушить
Всю злость свою на этот подлый мир.

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. Я тоже так фортуну изломан,

Что или переломы залечу,
Или хребет себе переломая.

МАКБЕТ. Итак, кто враг ваш?

ОБА НАЕМНИКА. Банко, государь.

МАКБЕТ. Но мне он тоже враг. Своею жизнью

Он жизни мне буквально не дает.
Я мог бы с ним разделаться и гласно.
Лишь стоит приказать. Но не хочу.

У нас найдутся общие друзья,
Которые меня возненавидят,
Коль скоро я его отдам под суд,
Потом казню и мертвого оплачу.
Вы мне нужны, чтоб сохранить друзей.
Есть и другие веские причины,
Чтоб сделать это втайне от людей.

ВТОРОЙ НАЕМНИК. Все сделаем, как надо, государь.

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. Не пожалеем жизни ради вас.

МАКБЕТ. Я вижу, вы похожи на людей.

Примерно через час я покажу,
Где будете вы ждать и наблюдать,
И время до минуты укажу.
Вы сделаете это нынче ночью,
Насколько можно дальше от дворца.
Но так и знайте, я здесь ни при чем.
Он будет не один, а с сыном Флинсом.
Я ни отца, ни сына не терплю.
И чтобы кончить дело и забыть,
Прикончите вы сына и отца.
Подумайте и дайте мне ответ.

ВТОРОЙ НАЕМНИК. Тут нечего и думать, государь.

МАКБЕТ. Тогда ступайте. Будьте наготове.

(НАЕМНИКИ *уходят.*)

Вот так-то, Банко. Близится итог.
И если душу бедную твою
Ждет рай, то нынче ждут ее в раю.

(*Уходит.*)

Сцена вторая

Другая комната во дворце.

Входят ЛЕДИ МАКБЕТ *и* СЛУГА.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Где Банко?

СЛУГА. Он уехал, госпожа.

Вернется ночью.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Короля проси

Пожаловать ко мне на пару слов.

СЛУГА. Немедленно, сударыня, иду.

(Уходит.)

ЛЕДИ МАКБЕТ. Все ни к чему. Ты сам себе палач,

Коль нет житья от собственных удач.

И это жизнь? завидовать врагам,

Когда их сам отправил к праотцам!

Входит МАКБЕТ.

Ты все один, мой милый, все грустишь,

Пленен воспоминаньями своими.

Хотя давно пора забыть о том,

Кто сам забыт, и память истребить

О том, что невозможно изменить.

Что было, — сплыло.

МАКБЕТ. Да, но та змея,

Которую я только покалечил,

Еще укусит, раны зализав,

И мы умрем, страдая от бессилья.

Но прежде рухнет жизненный каркас,

Тот свет исчезнет, этот пропадет,

Чем буду есть свой хлеб, давясь от страха,

И от ночных кошмаров просыпаться.

Я б лучше умер с тем, кого навеки

Для своего покоя успокоил,

Чем самоистязанием душевным

Себя до иступленья доводить.

Дункан, горячкой жизни отболев,

Спокойно спит. Измена позади;

Отрава, нож, мятеж или война, —

Ему до них нет дела.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Прекрати!
Разгладь морщины, милый, улыбнись.
Мы ждем гостей. Ты должен быть веселым.

МАКБЕТ. Попробую. И ты развеселись.
И порадушней Банко принимай:
Улыбкой, взглядом, словом одари.
Пока престол качается под нами,
Мы будем лицедействовать с тобой,
Свой титул лицемерьем омывая.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Напрасно ты об этом размышляешь.

МАКБЕТ. Кишат в мозгу тарантулы, жена.
Ведь Банко с Флинсом все еще в живых.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Но им бессмертья Бог не даровал.

МАКБЕТ. Они телесны, — это и бодрит.
Ну, не грусти. Едва кожан вспорхнет
Под купол церкви и крылатый жук,
Вот сне жужжа, зевоту вызывая,
По знаку злой Гекаты закружит,
Случится нечто страшное.

ЛЕДИ МАКБЕТ. И что же?

МАКБЕТ. В неведение блаженствуй, дорогая.
С победою поздравить погода.
Приди же, ослепительная ночь!
И вырви сострадательному дню —
Как очевидцу — кроткие глаза;
И тайно, окровавленной рукой
Сорви с меня наручники мои
И вдребезги разбей. Густеет мгла,
И в бор злоеший вороны летят.
Впадают силы светлые в дремоту;
Идет ночная нечисть на охоту.
О чем твержу я? Объясню позднее.
Кто начал злом, тот конченный злодей.
Пойдем со мной.

(Уходят.)

Сцена третья

Парк около дворца.

Входят трое НАЕМНИКОВ.

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. А кто тебя сюда прислал?

ТРЕТИЙ НАЕМНИК.

Макбет.

ВТОРОЙ НАЕМНИК. Не бойся ты. Он с нами заодно.

Ведь он же нам в деталях рассказал,

Зачем мы здесь.

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. Тогда другое дело.

На западе вечерняя заря

Последнею каемкой догорает.

Об эту пору всадник запоздалый

Несется к постоялому двору.

Недалеко и тот, кого мы ждем.

ТРЕТИЙ НАЕМНИК. Стучат копыта, слышишь? Замолчи!

БАНКО *(за сценой)*. Огня! Живей!

ВТОРОЙ НАЕМНИК.

Ручаюсь, это он.

Все те, кто во дворец приглашены,

Уже явились.

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. Кони развернулись.

ТРЕТИЙ НАЕМНИК. Ведут в конюшню их. Там будет с милю.

А всадники пошли, как все, пешком.

ВТОРОЙ НАЕМНИК. Огонь все ближе!

ТРЕТИЙ НАЕМНИК.

Вот он!

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК.

По местам!

Входят БАНКО и ФЛИНС с факелом

БАНКО. Дождь будет ночью.

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК.

Дождь уже идет!

(Набрасываются на БАНКО.)

БАНКО. Измена, Флинс! Беги, беги, беги!

И отомсти им!.. Подлые рабы!

(Умирает.)

(ФЛИНС убегает.)

ТРЕТИЙ НАЕМНИК. Кто затоптал огонь?

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. На что он нам?
ТРЕТИЙ НАЕМНИК. Отцу конец, а сына упустили.
ВТОРОЙ НАЕМНИК. Да, сплеховали.
ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. Так уж получилось.
Ну что ж, пошли с докладом к королю.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Приемный зал во дворце. Сервированный стол.

Входят МАКБЕТ, ЛЕДИ МАКБЕТ, РОСС, ЛЕНОКС,
ЛОРДЫ *и* СВИТА.

МАКБЕТ. Известно вам, чье место где, однако

И высших мы приветствуем, и низших.

ЛОРДЫ. Премного благодарны, государь.

МАКБЕТ. Устроится хозяин хлебосольный

В кругу друзей. На лучшее из мест

Усядется хозяйка. Для начала

Она вам слово ласковое скажет.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Вы все гостям сказали за меня.

Сердечно рада видеть их у нас.

ТРЕТИЙ НАЕМНИК *показывается в дверях.*

МАКБЕТ. Они тебе сердечно благодарны.

Я сяду, как сказал, среди гостей.

Начнем веселье чашей круговую.

(Подходит к дверям.)

Ты кровью перепачкан.

ТРЕТИЙ НАЕМНИК. Кровью Банко.

МАКБЕТ. Тем лучше, что его, а не своей.

Ну, говори: прикончили его?

ТРЕТИЙ НАЕМНИК. Я самолично кровь ему пустил.

МАКБЕТ. Ты молодец! Лихой кровопускатель!

Хорош и тот, кто стал хирургом Флинсу.

Ты просто чудо, если это ты.

ТРЕТИЙ НАЕМНИК. Флинс улизнул.

МАКБЕТ (*в сторону.*)

Опять я в лихорадке!

Хотя уже, казалось бы, окреп;

Себя гранитной глыбой ощутил;

Подобием скалистого утеса;

Эфиром, обнимающим весь мир.

И вот я залит страхами, смущен,

Стеснен и смят. — А вдруг и Банко спасся?

ТРЕТИЙ НАЕМНИК. Да, только он спасается во рву,

Имея чуть не двадцать ножевых

Смертельных ран.

МАКБЕТ.

Спасибо и на том.

(*В сторону.*)

Змея мертва, но выкормыш ее,

Налившись ядом, жало наострит. —

Пока ступай. Потом поговорим.

(ТРЕТИЙ НАЕМНИК *уходит.*)

ЛЕДИ МАКБЕТ. Без вас скучают гости, государь.

Ведь званый пир, устроенный с любовью,

Нельзя с обедом в складчину равнять.

Питаются и дома, но мертвы

Застолья без приправ гостеприимства.

МАКБЕТ. Спасибо, леди, за напоминанье.

Но важен и хороший аппетит.

Здоровье ваше, гости!

ЛЕНОКС.

Не угодно ль

К нам присоединиться, государь?

Входит ПРИЗРАК БАНКО и садится в кресло МАКБЕТА.

МАКБЕТ. Вся знать бы пиновала во дворце,

Когда б среди пирующих блистал

Наш милый Банко. Нам бы не хотелось

Считать, что нами Банко пренебрег.

В пути с ним не случилось ли чего?

РОСС. Он бросил тень на собственную честь,

Не появившись клятве вопреки.

Но соблаговолите, государь,
Присесть за стол. Мы будем польщены.
МАКБЕТ. А где мне сесть?
ЛЕНОКС. Да вот же ваше кресло.
МАКБЕТ. Но в нем сидят.
ЛЕНОКС. Никто в нем не сидит.
Я вас не понимаю, государь.
МАКБЕТ. Кто это все подстроил?
ЛОРДЫ. Что подстроил?
МАКБЕТ. Зачем явился? Я здесь ни при чем.
И не качай кровавой головой.
РОСС. Владыке дурно. Господа, уходим.
ЛЕДИ МАКБЕТ. Друзья, останьтесь. Это с ним бывает.
Он болен с детства. Я прошу вас сесть.
Проходит приступ. Легче государю.
Не надо только вида подавать:
Расстроите — припадок повторится.
Прошу к столу.

(МАКБЕТУ.)

Какой же ты мужчина?
МАКБЕТ. Мужчина я, к тому ж не из трусливых.
Увидев это, черт поджал бы хвост.
ЛЕДИ МАКБЕТ. Ты перепуган, гредишь наяву.
Виденье, нарисованное страхом,
Стоит перед тобой, как тот кинжал,
Который смерть Дункана предварил.
А этот трепет, эту дрожь в коленках —
Изображенье ужасов пустых —
Бабенкам подари, что у камина
Порою зимней чешут языки.
Какой позор! Смотреть в пустое кресло
С ужасным выраженьем на лице!
МАКБЕТ. Да ты всмотрись! Вглядиись! Открой глаза!
Ты видишь, он кивает головой? —
Зачем тебе я, призрак, отвечай!
Но если прах земля не принимает,
То пусть меня хоронят не в земле,
А в чреве у стервятника степного.

(ПРИЗРАК *исчезает.*)

ЛЕДИ МАКБЕТ. Лишился мужества от наважденья?

МАКБЕТ. Клянусь, он был здесь!

ЛЕДИ МАКБЕТ.

Как тебе не стыдно!

МАКБЕТ. Людская кровь струилась испокон,

Пока своей природы человек
Не изменил законами своими.
И нынче совершаются злодеяния,
Которые нам душу леденят.
Но человек с разбитой головой
Был мертвецом и не мешал живым.
Теперь же, хоть на черепе у трупа
Венцом зияют чуть не двадцать ран,
Он за столом сидит среди живых.
И это пострашней, чем убивать.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Вас заждались, светлейший государь,

Все ваши благородные друзья.

МАКБЕТ. Прошу меня простить, я замечтался.

Со мною все в порядке, господа.
С моей столь необычною болезнью
Родные свыклись. Сяду я сейчас,
Но перед этим тост произнесу.
Налейте мне вина. Полней, полней!
За счастье всех, кто здесь, и за того,
Кто огорчил отсутствием своим
Меня и вас, — за Банко дорогого!
За вас и за него! До дна, до дна!

ЛОРДЫ. Мы пьем за вас, бесценный государь.

ПРИЗРАК БАНКО *возвращается.*

МАКБЕТ. Исчезни! Прочь! Сквозь землю провались!

Глазницами пустыми не смотри!
Прочь со своею кровью ледяной,
С костями, из которых вытек мозг!

ЛЕДИ МАКБЕТ. Простите, господа, но это с ним

Бывает часто. Так или иначе,
Но торжество испорчено, увы.

МАКБЕТ. Я все могу, что может человек.

Не побоюсь тебя, хоть превратись
Ты в русского медведя, в носорога,
Гирканским тигром стань или кем еще, —
Ни жилочки во мне не задрожит.
Воскресни, вызови на поединок,
А уклонюсь, — девчонкой назови!

Ну, а теперь исчезни, привиденье!
Туман воображенья, пропади!

(ПРИЗРАК *исчезает.*)

Он скрылся — я мужчиной снова стал.
Пожалуйста, садитесь.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Ваш недуг
Сорвал веселье, общество разбил.

МАКБЕТ. Но можно ль, как на облачко в июле,
Смотреть на это и не потрястись?
Я, кажется, с ума сойду от мысли,
Что вы могли разглядывать виденье
И сохранять румянец на щеках, —
Тогда как я от страха побледнел.

РОСС. Виденье?

ЛЕДИ МАКБЕТ. Продолжается припадок.
Прошу вас не расспрашивать его,
А то еще разгневается вдруг.
Ну, что ж, спокойной ночи, господа.
Без лишних церемоний расходитесь.

ЛЕНОКС. Давайте пожелаем государю
Поправится к утру. Спокойной ночи.

ЛЕДИ МАКБЕТ. И вам спокойной ночи. До свиданья.

(*Все, кроме МАКБЕТА и ЛЕДИ МАКБЕТ, уходят.*)

МАКБЕТ. Он крови просит; крови просит кровь...
А в старину деревья говорили,
Ходили камни, вещице авгуры
Могли по галкам, сойкам и стригам
Изобличить убийцу. — Ночь прошла?

ЛЕДИ МАКБЕТ. Соперничает с утром — кто кого.

МАКБЕТ. Заметила, Макдаф не соизволил
Явиться к нам?

ЛЕДИ МАКБЕТ. Его ты разве звал?

МАКБЕТ. Нет, но придется: на него донос.
Ни одного нет дома, где бы я
Прислуги не купил. А завтра утром
Поеду к ведьмам, чтобы все узнать.
Пускай мне будет хуже, чем теперь,
Но я хочу о худшем расспросить.
Теперь для нас любой приемлем путь,
Когда мы так и так в крови по грудь.

И мне труднее повернуть назад,
Чем вброд идти куда глаза глядят.
Быстрее, чем задумано в мозгу,
Хотел бы делать зло, но не могу.
ЛЕДИ МАКБЕТ. Природа ночью спать велит, а ты...
МАКБЕТ. Да, надо лечь. Я на себя сердит
За то, что неумел, как неофит.
В таких делах мы — сущие младенцы.

(Уходят.)

Сцена пятая

Степь. Грохочет гром.

Входят три ВЕДЬМЫ. Навстречу им — ГЕКАТА.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Ты сердисься, Геката? Отчего?

ГЕКАТА. Нахальные хрычовки! Неужели
Я гневаюсь напрасно? Как вы смели
Пойти на то, чтобы Макбет
От вас узнал судьбы секрет?
А я, царица колдовства,
Источник зла для естества,
Уже ничто для ворожей,
Вращенных силою моей?
Но вы, по правде говоря,
Макбета искушали зря:
Греха и подлости оплот
Под вашу власть не подпадет.
Но не горюйте. Есть нора
У Ахерона. Там с утра
Сойдемся мы. Он к вам хотел
Прийти, чтоб вызнать свой удел.
Там и колдуйте над котлом,
Умножив чары волшебством.
А мне пора покинуть вас.
Чтоб роковой приблизить час,
Взлечу по лунному лучу
И с краешка луны схвачу

Одну из капель, что должны —
Того и жди — упасть с луны.
Той каплею и ведовством
Химер из бездны призовем.
И магией своих причуд
Они Макбета проведут.
Он вознесется, воспарит,
Себя всеильным возомнит.
А смертный гибнет испокон,
Собою самоослеплен.

За сценой музыка и пение.

Но тише! Духи-малыши
Поют: «Спеши, спеши, спеши!»

(Исчезает.)

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Пора и нам: того гляди — вернется.

(Исчезают.)

Сцена шестая

Форрес. Покои во дворце.

Входят ЛЕНОКС и ЛОРД.

ЛЕНОКС. Мои слова созвучны вашим мыслям.
Но разберемся — нет ли тут чего?
Макбет оплакал доброго Дункана —
Да, о погибшем следует скорбеть.
Убит бесстрашный Банко — шлялся ночью.
Выходит, Флинс убийца — ведь сбежал.
И то сказать, не шляйся по ночам.
Чудовищами кто не назовет
Малькольма с Дональбайном, погубивших
Любимого отца? Исчадья ада!
Макбет — рыдал! Горя законным гневом,
Он должен был проткнуть мерзавцев-слуг,
Вином плененных, сном поработченных.

Что, благородно? Как же! И умно!
А то б они нас ложью доконали.
А разве мы не люди? До того
Он свят, что окажись в его руках
Сыны Дункана или тот же Флинс —
Не дай Господь им этого! — они бы
Запомнили, как убивать отцов.
Но тише! Без того уже Макдаф
Попал в опалу. Он не то, что мы:
Он обо всем открыто говорит
И не поехал к деспоту на пир.
Он, видимо, скрывается теперь.

ЛОРД. А старший сын Дункана, чьи права
Наследные растоптаны тираном,
Отправился к английскому двору.
С фортуной злою справился Малькольм,
Обласканный блаженным Эдуардом.
А вот Макдаф туда поехал с просьбой.
И если волей короля святого
Нортгумберленд и Сивард удалой
На выручку Шотландии придут,
Тогда, с благословения небес,
Мы снова кров и пищу обретем;
Не будем ждать, пируя и смеясь,
Удара подлого из-за угла;
На верность присягнем и заживем
В чести, которой нынче лишены.
Макбету доложили обо всем.
Он в гневе и готовится к войне.

ЛЕНОКС. Ну, а Макдафа звал он?

ЛОРД. Звал, конечно.

Но тот ответил дерзко: «Ни за что!»
Посыльный помрачнел и, уходя,
Шепнул под нос: «Ты скоро пожалеешь,
Макдаф, об этом».

ЛЕНОКС. Вот и проявил
Макдаф предусмотрительность и мудрость,
Страну покинув. Ангелы Господни,
Сопроводите в Англию его,
Чтоб снова воссияла благодать
Над нашею Шотландией родной,
Раздавленной пятою негодяя.

ЛОРД. И я о том же Господа молю.

(Уходят.)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена первая

Пещера. В центре — кипящий котел. Гремит гром.

Входят три ВЕДЬМЫ.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Крот шумнул, мяукнул кот.

ВТОРАЯ ВЕДЬМА. Снова кот и снова крот.

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА. Гарпии визгливый глас

Поторапливает нас.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. У котла кружить начнем,

Падали наварим в нем.

Жабу, месяц напролет

Ядом посреди болот

Набухавшую в ночи

Первой в наш котел мечи!

ВСЕ. Ты гори во мгле, костер!

Ты бурли в котле, раствор!

ВТОРАЯ ВЕДЬМА. Бросим в чертову кутью

Потрошеную змею,

Слизь червя и хвост ужа,

Глаз жука и пах ежа,

Шерсть мыша и пса язык,

Лапку вши и крысы клык,

Чтобы чарами бульон

Черными был начинен.

ВСЕ. Ты гори во мгле, костер!

Ты бурли в котле, раствор!

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА. Зуб лисы, кишки карги,

Змея кости и мозги,

Плавники и ус кита,

Корень ведьмина куста,

Жир еврея, желчь козы,

Прутик, срезанный с лозы,

Нос турецкого раба,

Мусульманина губа,

Бровь младенца, что рожден

Шлюхою и умерщвлен

Посреди могильных плит

И на кладбище зарыт,

И тигриное филе

Пусть заварится в котле.

ВСЕ. Ты гори во мгле, костер!
Ты бурли в котле, раствор!
ВТОРАЯ ВЕДЬМА. Кровь мартышки снимет жар,
А потом сгустит отвар.

Входит ГЕКАТА.

ГЕКАТА. О, все готово, я смотрю!
И я вас отблагодарю.
Теперь, как феи в час ночной,
Пройдитесь с песней круг-другой,
Заворожите свой настой.

Музыка и пение.

(ГЕКАТА уходит.)

ВТОРАЯ ВЕДЬМА. Ломит пальцы, — это значит,
Что сюда мерзавец скачет.
Кто бы ни был у дверей,
Отворяйся, дверь, скорей!

Входит МАКБЕТ.

МАКБЕТ. Что делаете вы, исчадья ночи?
ВСЕ ВЕДЬМЫ. Об этом невозможно рассказать.

МАКБЕТ. Занятым вашим я вас заклинаю
Ответить мне, — откуда б ни взялись
Познанья запредельные у вас.
И пусть, разбужен вашими словами,
Обрушится на храмы ураган;
Пусть он поднимет на море волну,
Которая поглотит корабли;
Пусть хлеб сгниет и выкорчует лес;
Повалит на тюремщиков тюрьму;
Согнет в дугу дворцы и пирамиды;
Пускай, проникнув в недра бытия,
Перетасует жизни эмбрионы, —
Так что распад угаснет от распада, —
Что б ни случилось, дайте мне ответ.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Пусть так и будет.

ВТОРАЯ ВЕДЬМА.

Спрашивай.

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА.

Спешу.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Ты выслушаешь нас иль предпочтешь,
Чтоб мы своих властителей призвали?
МАКБЕТ. Того, кто вами правит, пригласите.
ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Вепря кровь, что съел своих
Поросят девятерых,
Подольем и пот убийцы,
Чтоо давлен был в темнице.
ВСЕ ВЕДЬМЫ. Духи, малый ли, большой,
Появитесь чередой!

*Гром. Появляется первый ПРИЗРАК
со шлемом на голове.*

МАКБЕТ. О, тайный дух...
ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. В вопросе нужды нет.
Помалкивай!
ПЕРВЫЙ ПРИЗРАК. Макбет! Макбет! Макбет!
Макдаф — твой недруг; на твоем пути
Стоит Макдаф. Пора мне... Отпусти...

(Исчезает.)

МАКБЕТ. Кто ты, не знаю, но благодарю.
Ты ткнул в больное место. Но постой...
ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Тебя не слышит он. А вот другой,
Куда мощней.

*Гром. Появляется второй ПРИЗРАК в образе окровавленного
младенца.*

ВТОРОЙ ПРИЗРАК. Макбет! Макбет! Макбет!
МАКБЕТ. Тремя ушами слушать был бы рад...
ВТОРОЙ ПРИЗРАК. Лей смело кровь. Так мощно ты заклят,
Что над тобой победу одержать
Не сможет тот, кого рожала мать.

(Исчезает.)

МАКБЕТ. Живи, Макдаф! Ты мне теперь не страшен.
Однако, хоть и верю я судьбе, —
В себя поверю, если ты умрешь.
И ложный страх мне в душу не вползет,
Раскаты грома ночью не разбудят.

Гром. Появляется третий ПРИЗРАК в образе коронованного ребенка, с ветвью в руке.

МАКБЕТ. А это кто? Наследник короля?

Корона на младенческом челе
И символ власти в пальцах у ребенка.

ВСЕ ВЕДЬМЫ. Ты должен слушать, а не говорить.

ТРЕТИЙ ПРИЗРАК. Будь смел, как лев. Ни внутренний раздор,
Ни внешний враг Макбету до тех пор
Не навредят, пока не зашагал
Бирнамский лес на Дунсинанский вал.

(Исчезает.)

МАКБЕТ. Но этому не быть! Кто может рать

Из деревянных воинов набрать?
Как сдвинуть лес? Я счастлив! Редкий миг!
Не ранее восстанет бунтовщик,
Чем лес Бирнамский. Мой высокий сан
В награду мне самую жизнью дан
На срок, что смертным дарится судьбой.
Но чтоб я наконец обрел покой,
Скажите, если ведаете сами:
Потомки Банко будут королями?

ВСЕ ВЕДЬМЫ. Не спрашивай об этом.

МАКБЕТ. Нет, скажите.

Откажетесь — навеки прокляну!
Я жду. — Но где котел? И что за шум?

Играют гобои.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Явитесь все!

ВТОРАЯ ВЕДЬМА. Явитесь все!

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА. Явитесь!

ВСЕ ВЕДЬМЫ. Покажитесь — и назад.

Он и сам не будет рад.

Появляются призраки восьми королей, последний держит зеркало; за ними — ПРИЗРАК БАНКО.

МАКБЕТ. Как ты похож на Банко! Провались!

Корона ослепительна твоя.
Такая ж на втором. За ними — третий.
И все по виду — братья-близнецы.

Чертовки-ведьмы! Что все это значит?
Вот и четвертый! Лопните, глаза!
Тянутся им до светопреставленья?
Шестой! Седьмой! Нет сил смотреть! Восьмой!
В руках он держит зеркало, в котором
Отражены монархи-двойники;
И кое-кто со скипетром двойным,
С державою тройною кое-кто.
Мне страшно. Эти призраки не лгут.
И Банко окровавленный глумится,
Мне представляя внуков-королей.

(ПРИЗРАКИ *исчезают.*)

Неужто так и будет, говорите?
ПЕРВАЯ ВЕДЬМА. Все будет так, хоть верь, хоть нет.
Но чем ошеломлен Макбет?
Применим, сестры, колдовство
И душу облегчим его.
Эфиру петь я дам приказ,
А вы станцуете сейчас.
И нас за ласку и почет
Король благодарит начнет.

(*Музыка и пение. ВЕДЬМЫ танцуют, затем исчезают.*)

МАКБЕТ. Но где они? Исчезли! Будь же проклят
Навеки этот день. — Ко мне! Сюда!

Входит ЛЕНОКС.

ЛЕНОКС. Что вашему величеству угодно?

МАКБЕТ. Волшебниц видел?

ЛЕНОКС. Нет, мой государь.

МАКБЕТ. Входя, не встретил?

ЛЕНОКС. В самом деле, нет.

МАКБЕТ. Пусть ядовитым станет ураган,

Который их унес в тартарары!

Черт поberi того, кто верит им!

Я слышал конский топот. Кто приехал?

ЛЕНОКС. О том, что в Англию Макдаф бежал,

Гонцы с докладом.

МАКБЕТ. В Англию бежал?

ЛЕНОКС. Да, государь.

МАКБЕТ (*в сторону*). Ты, время, отвело
На время злодеяние мое.
Изменишь планы — попадешь впросак
И ничего не сможешь совершить.
Но с этого мгновения да будут
Плодами рук плоды моей души!
И в знак того, что мысль венчают делом,
Мне мысль и очень дельная пришла:
Поместьями Макдафа завладеть;
Жену, детей и близких уничтожить.
Но хвастовство — одних глупцов удел.
Скорее в Файф — пока не охладел!
И хватит с привиденьями возиться! —
Веди меня к посыльным. Где они?

(*Уходят.*)

Сцена вторая

Файф. Замок Макдафа.

Входят ЛЕДИ МАКДАФ, ее СЫН и РОСС.

ЛЕДИ МАКДАФ. Что натворил он? Почему бежал?
РОСС. Ваш долг — терпеть, сударыня.

ЛЕДИ МАКДАФ. Терпеть?

Однако он терпеть не захотел.
Со страху обезумел и бежал.
На деле — никакой он не изменник,
Но если струсил — значит, изменил.

РОСС. Кто знает, что здесь: трусость или ум.

ЛЕДИ МАКДАФ. Ах, ум! На произвол судьбы оставить
Детей, жену, поместье и дворец
И убежать? Не любит он семью.
Ему природа сердца не дала.
Ничтожная пичужка — королек
Отважно нападает на сову,
Свое гнездо родное защищая.
А там, где трусость, нет следа любви.
Какой же нужен ум, чтобы скрываться,

Когда противен разуму побег?
РОСС. Не горячитесь, милая сестра.
Супруг ваш честен, мудр и, верно, знает,
Как поступать в такие времена.
А впрочем, говори не говори...
Ужасный век! Изменником прослыть,
Когда ни сном ни духом... Не иметь
Причин для страха и страшиться слухов;
По воле волн, могучих и свирепых,
Носиться в океане. Я прощаюсь.
На днях приеду вновь. Все обойдется.
Такое длиться долго не должно.
Благословен будь, милый мальчуган.

ЛЕДИ МАКДАФ. Так и живет: с отцом и без отца.

РОСС. Пора мне. Оставаться — неразумно:
И мне во вред, и вас обременять.
Прощайте.

(Уходит.)

ЛЕДИ МАКДАФ. Ах, малыш, отец твой умер.
Что будешь делать без него? Как жить?

СЫН. Как птички, мама.

ЛЕДИ МАКДАФ. Что? Клевать червей?

СЫН. Я же сказал: как птички.

ЛЕДИ МАКДАФ. Бедный птенчик!

А как поймают да посадят в клетку?

СЫН. Ну, что ты, мама! Птенчиков не ловят.

Отец мой жив, меня не проведешь.

ЛЕДИ МАКДАФ. Он умер. Как ты будешь без него?

СЫН. А как ты будешь, матушка, без мужа?

ЛЕДИ МАКДАФ. Куплю хоть двадцать, если захочу.

СЫН. Сначала купишь, а потом продашь.

ЛЕДИ МАКДАФ. Какой ты умный, даже чересчур
Для лет своих.

СЫН. Отец — изменник, мама?

ЛЕДИ МАКДАФ. Увы, сынок.

СЫН. А кто такой — изменник?

ЛЕДИ МАКДАФ. Тот, кто дает клятву, а потом изменяет
своему слову.

СЫН. И все, кто так делает, изменники?

ЛЕДИ МАКДАФ. Всякий, кто это делает, — изменник, и его
надо повесить.

СЫН. Всякого, кто дал клятву, а потом изменил своему слову?

ЛЕДИ МАКДАФ. Всех до единого.

СЫН. А кто должен их вешать?

ЛЕДИ МАКДАФ. Честные люди, конечно.

СЫН. Какие же дураки все эти изменники слову! Их ведь так много, чтобы победить и перевешать всех честных людей.

ЛЕДИ МАКДАФ. Помилуй тебя Господь, бедная моя обезьянка! Но как ты все-таки будешь жить без отца?

СЫН. Я тебе не верю. Если бы он умер, ты бы плакала, а раз ты не плачешь, у меня скоро объявится новый отец.

ЛЕДИ МАКДАФ. Ты и сам не понимаешь, какую чушь ты несешь, несчастный болтунишка!

Входит ГОНЕЦ.

ГОНЕЦ. Храни вас Бог, миледи! Вы меня
Не знаете, но я вам сердцем предан.
Боюсь, что вы в опасности, мадам.
Послушайтесь простого человека:
Детей берите и бегите прочь.
Вам страшно это слышать, понимаю,
Но не услышать — во сто крат страшней.
Спасайтесь. Да хранят вас небеса!
А мне пора.

(Уходит.)

ЛЕДИ МАКДАФ. Бежать? Но почему?
Я не злодейка. Но пора бы знать,
В моей стране в обычае теперь
Над добрыми делами насмехаться,
А злодеяниям — рукоплескать.
Увы, но это правда! И едва ли
Помогут слабой женщине слова,
Что зла не причиняла никому.

Входят НАЕМНИКИ.

О Боже, что за лица!

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. Где твой муж?

ЛЕДИ МАКДАФ. Надеюсь, не притоне, чтобы знать

Таких, как ты, подонков.

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. Он изменник.

СЫН. Ты нагло лжешь, гривастый негодяй!

ПЕРВЫЙ НАЕМНИК. Вот выродок изменника! Гаденыш!

(Закальвает его.)

СЫН. Беги! Спасайся, мама! Убивают!

(Умирает.)

ЛЕДИ МАКДАФ. Убийцы!

(Убегает.)

(НАЕМНИКИ преследуют ее.)

Сцена третья

Англия. Перед замком короля.

Входят МАЛЬКОЛЬМ и МАКДАФ.

МАЛЬКОЛЬМ. Давайте в лес подальше заберемся,
Чтоб наших слез никто не увидал.

МАКДАФ. А может, как мужчинам надлежит,
За родину поруганную встанем?
Там с новым утром новая беда
Приходит к новым сиротам и вдовам,
И стонами исхлестанное небо
Заходится от грома и дрожит,
Сочувствуя Шотландии своей.

МАЛЬКОЛЬМ. И сам я это знал и верю вам,
И слезы лью об этом. Дайте срок,
Я соберу друзей и отомщу.
Но вот что не пойму я: этот деспот,
Чье имя как волдырь на языке,
Джентльменом был когда-то, вашим другом
И вам пока еще не навредил.
Я молод и неопытен, и вы,
Предав меня, поступите умно.

Невинный слабый агнец будет жертвой
И ублажит свирепого божка.

МАҚДАФ. Я не предатель.

МАЛЬКОЛЬМ. Вы, — но не Макбет.

Ломает добродетельных и честных
Приказ монарха. Я прошу прощенья,
Но вам мои догадки не в укор.
Всяк ангел чист, хотя и пал чистейший.
Зло принимает облик благодати,
Но благодать во зло не перейдет.

МАҚДАФ. Приходится с надеждами проститься.

МАЛЬКОЛЬМ. Я из-за них вас и подозревал.

Бежать, покинуть самое святое —
То, что к земле привязывает нас, —
Детей, супругу, — и не попрощаться?
Нет, я вас не корю, но опасаясь,
Будь даже вы честны мне вопреки.

МАҚДАФ. Тони в крови, отчизна! Тирания,

Погрязни во грехе, укоренись!
Не покусьтеся на тебя добро,
Когда закон пасует. Принц, прощайте.
Мерзавцем вы считаете меня,
Но вотчин у шотландского тирана
Не хватит, ни сокровищ на востоке,
Чтобы меня в мерзавца превратить.

МАЛЬКОЛЬМ. Не обижайтесь. Есть еще причина,

Помимо осторожности моей.
Я знаю сам: страна под игом гнется,
Кровавыми слезами умываясь,
И что ни день, то новая беда.
Известно мне и то, что за меня,
По милости английского монарха,
Возьмут мечи десятки тысяч рук.
Но только я тирана обезглавлю,
С землею прах его перемешав,
Как бедную страну, чтоб надругаться
Над ней страшнее прежнего, умножить
Ее мученья, пытки изощрить, —
Преемник узурпатора захватит.

МАҚДАФ. Вы это о себе?!

МАЛЬКОЛЬМ. Вы угадали.

Во мне пороков столько от природы,
Что если вдруг проявятся они,

И если испытает на себе
Мои злодейства бедная страна,
То черное чудовище Макбет
Покажется ягненком белоснежным.

МАҚДАФ. Нет черта в легионах преисподней,
Чтоб, как Макбет, был проклят за грехи.

МАЛЪКОЛЬМ. Я признаю: он кровопийца, лжец,
Развратник, зверь, и нет греха такого,
Которого бы он не совершил.
Но нет предела блуду моему.
Все жены, дочери, вдовы и девицы
Утонут в чане похоти моей.
Могу я все на свете разнести,
Что станет на пути моим желаньям.
Поэтому пускай царит Макбет.

МАҚДАФ. Безудержный разврат — в крови тирана.
От этого теряют власть и гибнут
Удачливые в целом короли.
Но вы свое получите, не бойтесь.
Довольно дам услужливых у нас,
И коршун ваш пускай себе клюет
Всех, вашему величеству послушных
И ищущих возможность разделить
Часы досуга с вами, государь.

МАЛЪКОЛЬМ. Среди моих болезненных страстей
Я пестую чудовищную жадность.
Стань я монархом я б сгноил в тюрьме
Или послал на плаху всех дворян
Из зависти к их землям и дворцам.
А с ростом моего добра возрос бы
И аппетит. И в кознях наторев,
У верноподданных я б оттягал
Все их богатства.

МАҚДАФ. Если похоть греет,
То алчность может все испепелить, —
Столь пагубна она, укоренившись
Глубоко в человеческой душе,
И пострашней меча для королей.
Но вам, не бойтесь, будет дань платить
Богатый край наш. Страсти не страшны,
Имей вы доблести для равновесья.

МАЛЪКОЛЬМ. Но где их взять? Король обязан быть
Образчиком достоинства и чести,

Являть пример отваги и добра,
Умом и милосердьем покорять.
Я не таков: злодействами кишит
Чудовищный клубок моих пороков.
Приди я к власти, вылил бы к чертям
Молочного согласия сосуд,
Взорвал бы мир и землю разорил.

МАКДАФ. Увы, мой край! Шотландия моя!

МАЛЬКОЛЬМ. Сажают ли, скажите откровенно,
Таких, как я, на королевский трон?

МАКДАФ. Таких, как вы, сажают не на трон, —
Сажают на кол! Бедный мой народ,
Гонимый узурпатором-убийцей!
Вздохнешь ли ты свободно, если твой
Король законный самоотреченьем
Себя навеки проклял и тем самым
Весь род свой августейший очернил!
Державные родители твои
Собою трон шотландский освятили;
Забыв для неба землю, королева
Весь век свой на коленях провела.
Шотландию ты отнял у меня,
Открыв свое порочное нутро.
Душа, простишь с надеждами!

МАЛЬКОЛЬМ. Макдаф!

Твой пыл святой, плод честности твоей,
В моей душе сомнения убил,
Внушил уму, что ты открыт и прям.
Мне мудрость подсказала истребить
В себе излишек веры. Дело в том,
Что наловчился дьявол во плоти,
Макбет, меня опутывать словами.
Отныне Бог свидетель нам с тобой!
Хочу перед тобою повиниться,
Отмыть себя от собственных наветов
И напрочь отказаться от грехов,
Мне вовсе не присущих по природе.
Поверь, не знал я женщин до сих пор,
Ни разу ложной клятвы не давал,
Не принимал чужого за свое.
Так слово я держал, что если б черту
Его я дал, и черта б не продал.
Ценю я правду более, чем жизнь.

Я в первый раз себя оклеветал.
Ты дорог мне, по совести сказать,
Но более всего мне дорога
Шотландия несчастная моя,
Куда до появления твоего
Направлен старый Сивард удалой
С отрядом в десять тысяч храбрецов.
Мы вслед за англичанами выходим.
Дай Бог нам счастья в праведной войне!
Но что ж ты ничего не говоришь?

МАКДАФ. Не может враз счастливым стать несчастный.

Входит ВРАЧ.

МАЛЬКОЛЬМ. Ну, хорошо. Отложим разговор. —

Что, доктор, скоро ль выйдет государь?

ВРАЧ. Да, принц. Толпа недужных ждет леченья.

Искусство врачевания не в силах

Унять их боль. А он, касаясь хворых

Рукою, освященной небесами,

Их исцеляет вмиг.

МАЛЬКОЛЬМ.

Спасибо, доктор.

(ВРАЧ уходит.)

МАКДАФ. А от какой болезни лечит он?

МАЛЬКОЛЬМ. От «немочи», как здесь ее зовут.

Он так силен в ней — просто чудеса.

На них, на дело рук его, немало

Я посмотрелся, в Англии живя.

Как небеса он молит, не пойму, —

Но струпным, гнойным, брошенным врачами

Он вешает на шею золотой

И лечит их молитвою святой.

По слухам, исцеленья благодать

Он передаст наследникам своим.

Не только этим обладает он,

Но и небесным даром прорицанья

И много чем еще благословен.

И даже шутка ходит, что король

Светится стал от святости своей.

МАКДАФ. А это кто идет?

Входит РОСС.

Дает десятитысячное войско
И Сивард, лучший воин в христианстве,
Ведет его.

РОСС. Обрадовать бы вас
За вашу новость новостью своею,
Но лучше мне провить ее в степи,
Чтоб никому ушей не заложило.

МАКДАФ. Но что случилось? В горе будут все
Иль разорвется грудь у одного?

РОСС. Всех, у кого есть сердце и душа,
Беда заденет, но лишь на тебя
Обрушится она.

МАКДАФ. Но если так,
Рази меня скорее, не молчи.

РОСС. Но только ты меня не прокляни
За то, что речь сорвется с языка
Неслыханною ношей для ушей.

МАКДАФ. О неужели... Боже сохрани!

РОСС. Твой замок взят, домашние убиты.
Я умолкаю, чтобы ты не стал
В придачу к тем зарезанным ягням
Добычей смерти.

МАЛЬКОЛЬМ. Господи помилуй!
Макдаф, не прячь лица и не молчи.
Рыдай, стенай, лей слезы, убивайся.
Невысказанной боли нет конца.
Молчащее страданье рвет сердца.

МАКДАФ. И дети?

РОСС. Все, — супруга, дети, слуги, —
Кто под руку горячую попал.

МАКДАФ. А я сбежал сюда! Что, и жена?

РОСС. Увы, Макдаф, увы!

МАЛЬКОЛЬМ. Крепись, мой друг!
И пусть лекарство мести неизбежной
Бальзамом станет для твоей души,
Раздавленной смертельно печалью.

МАКДАФ. Вот вы сказали: мечь... Но он бездетен!
Всех, говоришь ты? Всех моих малюток?
О коршун ада! Всех переклевал?
Моих цыплят с их матушкой? Всех?

МАЛЬКОЛЬМ. Мужчиной будь.

МАКДАФ. Но будучи мужчиной,
Я не могу не чувствовать тоски;

Не помнить тех, кого я так любил.
И молча наблюдали небеса
И не вмешались?! Проклятый Макдаф!
Ничтожество, ты их и погубил!
Не за свои, а за мои грехи
Их умертвили. Вечная им память!
МАЛЬКОЛЬМ. Дух обрати в кремень, а муки — в ярость, —
Вот оселок для твоего меча.
МАКДАФ. Что ж это я? Страндьями бахвалясь,
Стал женщиною? Боже милосердный!
Меня с шотландским дьяволом сведи,
Поставь его лицом передо мною
Как раз на расстояние меча,
И если он останется в живых,
Прости все преступления ему.
МАЛЬКОЛЬМ. Я слышу речь мужчины. Войско в сборе.
Идем, проститься надо с королем.
Макбет созрел для судороги смертной,
И меч судьбы над ним уже завис.
Потерпим. Затяжная ночь беды
Продлится лишь до утренней звезды.

(Уходят.)

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена первая

Дунсинан. Комната в замке.

Входят ВРАЧ *и* ПРИДВОРНАЯ ДАМА.

ВРАЧ. Сколько можно ее караулить? Вот уже третью ночь я не могу убедиться в правдивости ваших слов. Когда она блуждала в последний раз?

ДАМА. С тех пор как его величество отбыл с отрядом, я нередко видела это. Она встает среди ночи, набрасывает халат, отпирает кабинет, ищет в нем какие-то бумаги, раскладывает их, что-то пишет, читает, запечатывает и наконец возвращается в спальню. И все это в сонном состоянии.

ВРАЧ. Нарушение жизнедеятельности организма — наслаждаться сном и совершать поступки, свойственные для бодрствования! А помимо ее блужданий под влиянием сонного возбуждения и тому подобного, не делает ли она чего-нибудь еще? Может быть, она разговаривает во сне? Если да, то что она говорит?

ДАМА. Такие вещи, сэр, которые я стараюсь тут же забыть.

ВРАЧ. Со мною вы можете быть откровенны — ведь я же врач.

ДАМА. Пока вы или кто-нибудь другой не могут подтвердить моих слов, я ничего не смогу вспомнить.

Входит ЛЕДИ МАКБЕТ со свечою.

Смотрите, вот она! Так она обычно и ходит и, клянусь жизнью, находится в глубоком сне. Можете убедиться сами. Подойдите поближе.

ВРАЧ. А где она взяла свечу?

ДАМА. Со своего ночного столика. Она постоянно спит при свечах, их зажигают на ночь по ее приказу.

ВРАЧ. Однако глаза у нее открыты, как у бодрствующей. Посмотрите.

ДАМА. Да, но зрение у нее спит.

ВРАЧ. Что это она делает? Вы только взгляните, как она трет себе руки!

ДАМА. В этом-то все и дело. Она как бы моет их во сне и никак не может отмыть. На это у нее порой уходит до четверти часа.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Пятно еще заметно.

ВРАЧ. Тише! Она что-то сказала. Надо, пожалуй, записывать за ней. Память — вещь ненадежная.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Сойди, проклятое пятно, сойди, сколько можно повторять! Часы бьют... раз, другой... пора и делом заняться. Черно, видите ли, в аду! Стыдись, мой друг, стыдись! Воин ты или трус? Чего ты боишься? Пусть их болтают за нашей спиной после всего. Но кто осмелится открыто осуждать королей? Подумать только! В таком старике и так много крови!

ВРАЧ. Слышите?

ЛЕДИ МАКБЕТ. У файфского тана тоже была жена. Куда она делась? Что же это такое! Неужели руки никогда не ототрутятся? Перестань, мой друг, все пойдет насмарку из-за твоей трусости.

ВРАЧ. Теперь все ясно. Вы узнали то, чего вам не хотелось бы знать.

ДАМА. Нет, это она выболтала то, что ей следовало бы скрывать. Можете мне верить: одному Богу открыто то, что она скрывает в душе.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Она до сих пор пахнет кровью. Всех аравий-

ских ароматов не хватит, чтобы эта маленькая ручка запахла по-прежнему. О, о, о!

ВРАЧ. Как она вздыхает! Какой тяжелый груз у нее на сердце.

ДАМА. Я бы не захотела поменяться с ней сердцами, даже если бы мне за это дали в придачу ее титул.

ВРАЧ. Ваше счастье, ваше счастье.

ДАМА. Господи, сделай так, чтобы все пришло к счастливому концу!

ВРАЧ. Медицина бессильна против этого недуга. Но мне приходилось видеть больных, блуждавших по ночам и почивших, как говорится, в Бозе на собственных постелях.

ЛЕДИ МАКБЕТ. Вымой руки и надень халат. Как ты бледен! Сколько можно говорить: Банко в могиле, ему не встать из гроба.

ВРАЧ. Час от часу не легче!

ЛЕДИ МАКБЕТ. Спать, иди спать, кто-то стучит в ворота. Пойдем, пойдем, пойдем. Дай мне руку. Сделанного не воротить. Спать, спать, спать... (*Уходит.*)

ВРАЧ. А теперь она ляжет?

ДАМА. Как обычно.

ВРАЧ. Нечисто здесь. Бесчеловечность дел
Родит нечеловеческие муки.
Рассудок, пораженный тайной, может
Открыться лишь глухонемой подушке.
Тут не припарки, — исповедь нужна.
О Господи, грехи нам отпусти!
Рецепт таков: следить за госпожой,
Все острое убрать. И обо всем
Помалкивать, хотя мой бедный ум
Мутится от невысказанных дум.
Спокойной ночи.

ДАМА. Доброй ночи, доктор.

(*Уходят.*)

Сцена вторая

Местность близ Дунсинана.

Входят МЕНТЭЙС, КЭТНЕС, АНГУС, ЛЕНОКС
и СОЛДАТЫ с барабанами и знаменами.

МЕНТЭЙС. Британцы на подходе. С ними Сивард,
Малькольм — его племянник и Макдаф.
Возмездием они распалены.

Их вид заставил бы вооружиться
И старца, умерщвляющего плоть.

АНГУС. Вон там Бирнамский лес. А близ него
Мы встретим их.

КЭТНЕС. А Дональдбайн при брате?

ЛЕНОКС. Наверно знаю, нет. Читал я список
Джентльменов наших. Там и юный Сивард
И необстрелянная молодежь,
Кому нейдется пороху понюхать.

МЕНТЕЙС. А что тиран?

КЭТНЕС. Готовится к осаде
И стягивает силы в Дунсинан.
Кто говорит, что он сошел с ума.
А те, кому он меньше насолил,
Его считают дерзким храбрецом.
Но все равно разваленного дела
Ему ремнями власти не стянуть.

АНГУС. Так вот когда ударили его
Ночные преступления по рукам.
Вот суд за вероломство, — мятежи.
Власть у него, но власти подчиняясь,
Не любят подчиненные его.
Уразумел, по-видимому, карлик,
Что выкрал одеянье великана —
Свой титул, — и барахтается в нем.

МЕНТЭЙС. Теперь, когда он гложет сам себя,
Что, кроме ужаса и отвращения,
Он может ощущать?

КЭТНЕС. Итак, вперед!
К тому, кого по совести мы чтим,
К врачу больной Шотландии примкнем.
И ради очищения отчизны
Всю кровь свою до капли отдадим.

ЛЕНОКС. Да, ровно столько, сколько в нас течет,

Чтоб оросив державные цветы,
Позаливала сорные кусты.
Итак, друзья, к Бирнаму поспешим.

(Уходят.)

Сцена третья

Дунсинан. Комната в замке.

Входят МАКБЕТ, ВРАЧ и СВИТА.

МАКБЕТ. Об этом хватит. Пусть хоть все сбегут.
Пока Бирнам нейдет на Дунсинан,
Кого бояться? Мальчика Малькольма?
Его рожала мать. А разве мне
Всеведущие духи не внушили,
Что надо мной победу одержать
Не сможет тот, кого рожала мать.
Бегите же, неискренние таны,
В нахлебники к пресыщенным британцам!
Сомненья не зароните мне в душу:
Я не согнусь, не задрожу, не струшу.

Входит СЛУГА.

Ты бледен как гусак! Катись к чертям
И прокопчись, болван молочнорожий!

СЛУГА. Там десять тысяч...

МАКБЕТ. В стаде гусаков?

СЛУГА. Милорд, — солдат в отряде.

МАКБЕТ. Негодяй!

Подлец трусливый, чтоб ты окошел!

Своей творожной мордой в стену ткнись

И подрумянь свой ужас белощекий!

Каких солдат? Каких солдат, скотина?

СЛУГА. Прошу прощенья, государь, — английских.

МАКБЕТ. Исчезни, рожа, видеть не могу!

СЛУГА уходит.

Эй, Сейтон! — А на сердце тяжело,
Как вдумаясь. — Сейтон, поскорей! —
Все разрешит грядущее сражение:
Царить ли мне иль сгинуть без следа.
Я пожил вволю. Вянет жизнь моя,
Уходит прочь тропой листопада.
Нет у меня того, что ценит старость:
Любви, покоя, общества друзей.
Я слышу лишь как шепотом клянут
И громко льстят... Я слышу... и дышу...
Хотя и хочет сердце, но не смеет
Остановиться. — Сейтон, где ты там?

Входит СЕЙТОН.

СЕЙТОН. Что вашему величеству угодно?

МАКБЕТ. Известья подтвердились?

СЕЙТОН. Да, милорд.

МАКБЕТ. Пускай все знают: я не отступлю,

Пока меня живьем не освежают.

Поддай мне латы.

СЕЙТОН. Незачем пока.

МАКБЕТ. Давай, сказал! Вели отрядам конным

Объехать все кругом и перевешать

Всех, кто о поражении твердит.

Давай мне латы. Как больная, доктор?

ВРАЧ. Я не сказал бы, что она больна.

Ей не дают покоя привиденья,

Терзающие душу госпожи.

МАКБЕТ. Вот ты и прогони их, если можешь

Страдающему разуму помочь,

Из памяти повыкорчевать скорбь

И сладкими пилюлями забвенья

От мутной грязи, замутившей грудь

Очистить сердце, — можешь или нет?

ВРАЧ. Все, государь, зависит от больной,

Здесь не помогут снадобья мои.

МАКБЕТ. Тогда пускай собаки их едят.

Стяни мне латы, Сейтон, да потуже.

И меч подай. — Сбежали таны, доктор.

О если бы ты мог по выделеньям

Моей страны диагноз ей поставить

И излечить Шотландию мою,

Чтобы жила, как в древности, она,
То от моих рукоплесканий небо
Тебе рукоплескало бы в ответ. —
Скорее, Сейтон. — Где же тот ремень,
Где, доктор, тот александрийский лист,
Что изведет отсюда англичан?
О них ты слышал?

ВРАЧ. Да, мой государь.

Отъезд ваш позволяет нам судить

Об их намереньях.

МАКБЕТ (СЕЙТОНУ). Возьми мой щит. —

Мне не страшны ни яд, ни смерть от ран,

Пока Бирнам не вполз на Дунсинан.

ВРАЧ (*в сторону*). Из Дунсинана выбраться б живьем!

Обратно б не вернулся нипочем.

(*Уходят.*)

Сцена четвертая

Бирнамский лес. Барабаны и знамена.

Входят МАЛЬКОЛЬМ, СТАРЫЙ СИВАРД, ЮНЫЙ СИВАРД,
МАКДАФ, МЕНТЭЙС, КЭТНЕС, АНГУС, ЛЕНОКС, РОСС
и СОЛДАТЫ.

МАЛЬКОЛЬМ. Предчувствую, друзья: еще чуть-чуть —
И заживем спокойно.

МЕНТЭЙС. Дай-то Бог.

ЮНЫЙ СИВАРД. А это что за лес?

МЕНТЭЙС. Бирнамский, сэр.

МАЛЬКОЛЬМ. Пусть все замаскируются ветвями.

Мы этим скроем численность отряда

И в заблуждение введем врага.

СОЛДАТ. Все сделаем как следует, милорд.

ЮНЫЙ СИВАРД. Тиран самонадеянно считает

Что выдержит осаду Дунсинан.

МАЛЬКОЛЬМ. Играет он ва-банк. Не может он

Отряды в поле вывести, — сдадутся.

Сбегают от него и стар, и млад.

И волосы вставали, как живые,
От жуткого рассказа. А теперь?
Не ужасают ужасы меня.
Я ими до предела начинен.
В чудовищные замыслы мои
Они вросли.

Возвращается СЕЙТОН.

Что там еще случилось?

СЕЙТОН. Почила королева, государь.

МАКБЕТ. Она б могла и позже опочить.

Печалиться мне нынче недосуг.

Вот если б завтра... завтра... завтра... завтра...

Разматывая свиток бытия,

Крадутся дни к итоговой ремарке,

И «завтра», превращаясь во «вчера»,

Толкает нас в могилу. И — конец.

Туман исчез. Растаяла свеча.

Сгорела жизнь — бездарный лицедей:

Валял себе на сцене дурака,

А время вышло — канул за кулисы.

Пропала жизнь — бессмысленная сказка,

Рассказанная круглым идиотом,

Безумный и бессвязный монолог.

Входит ГОНЕЦ.

Ты что приперся? Языком чесать?

Ну, не тяни!

ГОНЕЦ. Светлейший государь,

Я увидел такое, но не знаю,

Как вам сказать об этом.

МАКБЕТ. Покороче.

ГОНЕЦ. Я за Бирнамским лесом наблюдал,

И вдруг мне показалось, государь,

Что он пришел в движенье.

МАКБЕТ. Лжешь, собака!

ГОНЕЦ. Вы можете убить меня на месте,

Но посмотрите сами: лес пошел.

Бирнамский лес идет на Дунсинан.

С трех миль видать.

МАКБЕТ. Ну, если ты солгал,

Подвешу я на дереве тебя,

Чтоб заживо от голода издох.
А если весть верна, — меня подвесишь.
Однако я весьма обескуражен.
Закралось подозренье, что меня
Попутал бес правдоподобной ложью:
«Пока Бирнам нейдет на Дунсинан,
Макбет, не беспокойся ни о чем».
Но лес пошел, пошел на Дунсинан!
К оружию — и в поле! Все за мной!
Когда глаза посыльного не лгут, —
Там — не спастись, не уберечься — тут.
Мне свет не мил, чужды его дары.
Пусть он провалится в тартарары!
Бей, колокол! Греми, труба! В бою,
С мечом в руке я встречу смерть свою.

(Уходит.)

Сцена шестая

Дунсинан. Поле перед замком. Барабаны и знамена.

*Входят МАЛЬКОЛЬМ, СТАРЫЙ СИВАРД, МАКДАФ
и СОЛДАТЫ с ветвями.*

МАЛЬКОЛЬМ. На месте мы. Прочь латы из листвы!
Покажемся как есть. — Бесценный дядя,
Вы вместе с вашим сыном благородным
Начнете схватку, а в разгаре боя
Я и Макдаф достойный нападем,
Как мы и порешили.

СТАРЫЙ СИВАРД. В добрый час.

А вот и враг. Пора начать сраженье.

Умрем, но не потерпим поражения.

МАЛЬКОЛЬМ. Труби, трубач, насколько хватит сил,
Чтоб звук трубы резню предвозвестил.

(Уходят.)

Сцена седьмая

Другая часть поля.

Шум битвы. Входит МАКБЕТ.

МАКБЕТ. Я как медведь, посаженный на цепь:
Осталось только драться до конца.
Кого тут не рожала мать? Лишь тот
Макбета по пророчеству убьет.

Входит ЮНЫЙ СИВАРД.

ЮНЫЙ СИВАРД. Кто ты такой?

МАКБЕТ. Узнаешь — поседеешь.

ЮНЫЙ СИВАРД. Нет! Даже если именем твоим
Чертей пугают.

МАКБЕТ. Пред тобой Макбет.

ЮНЫЙ СИВАРД. Черт не назвал бы имени другого,
Чтобы настолько слух мой оскорбить.

МАКБЕТ. И ужаснуть.

ЮНЫЙ СИВАРД. Кровавый узурпатор!
Ты нагло лжешь! И то, что ты солгал,
Тебе мой меч поведаст сейчас.

(Дерутся. ЮНЫЙ СИВАРД убит.)

МАКБЕТ. Что мне твой меч? На меч пойду смеясь,
Коль скоро на меня его поднять
Посмеет тот, кого рожала мать.
Тебя же мать рожала — ты убит.

(Уходит.)

Шум битвы. Входит МАКДАФ.

МАКДАФ. Вот сеча где. Тиран, открой забрало!
Тебя убью я собственной рукой.
Не то меня замучат привиденья
Моей жены и малышей моих.
Наемников рубить я не могу.
Макбет, явись! Не то неиссеченным

Вложу я в ножны меч свой боевой.
Он где-то здесь, где яростней шумят.
Так бьется только доблестный солдат.
Отдай его, Фортуна, мне, и больше
Мне ничего не надо от тебя.

(Уходит.)

Шум битвы. Входят МАЛЬКОЛЬМ и СТАРЫЙ СИВАРД.

СТАРЫЙ СИВАРД. Скорее, принц. Без боя замок пал.
Переметнулись воины тирана.
А ваши таны — просто храбрецы.
Ваш день сегодня, принц. Еще чуть-чуть —
И одолеем.

МАЛЬКОЛЬМ. Мы нашли друзей
В своих врагах.

СТАРЫЙ СИВАРД. Идемте в замок, принц.

(Уходят.)

Сцена восьмая

Другая часть поля.

Входит МАКБЕТ.

МАКБЕТ. Осталось только броситься на меч,
Как римские глупцы — но для чего?
Пока живых я вижу пред собою,
Я буду сеять смерть среди живых.

Входит МАКДАФ.

МАКДАФ. Остановись, треклятый негодяй!

МАКБЕТ. Ступай отсюда. Изо всех людей

С тобой одним я драться не хочу:

Мне давит сердце кровь твоих родных.

МАКДАФ. Мне нечего сказать. Зато мой меч

Тебя названьем «подлый кровопийца»
Отметить сможет.

Сражаются.

МАКБЕТ. Тщетные старанья.
Скорей ты расчленишь бесплотный воздух,
Чем рассечешь меня своим мечом.
Кроши клинком податливые шлемы,
А мой заклят пожизненно от всех,
Кого рожала мать.

МАКДАФ. И не надейся
На чертовы заклатья свои!
Пусть дьявол, твой хозяин, подтвердит,
Что не рожден, а вырезан до срока
Из чрева материнского Макдаф.

МАКБЕТ. Да чтоб ты прикусил себе язык,
Во мне мужскую сущность истребивший!
Как можно верить дьявольским уловкам,
Дурачащим двусмысленностью нас?
Правдивы черти только на словах,
На деле — разрушают ожиданья.
Я не дерусь с тобою, уходи.

МАКДАФ. Тогда сдавайся, трус! В живых останься.
Как воплощенный ужас наших дней,
Как редкий зверь, ты будешь на цепи
Сидеть под собственным изображеньем,
С табличкою на шее: «Я — тиран!»

МАКБЕТ. Не сдамся. Целовать следы Малькольма?
Служить толпе приманкой для ругни?
Хотя Бирнам взошел на Дунсинан,
И мать, Макдаф, тебя не родила,
Последний бой — будь я и безоружен! —
Тебе я дал бы, враг мой. Подходи!
И проклят будь, кто крикнет: «Пощади!»

(Уходят, сражаясь.)

Отбой. Трубы. Входят с барабанами и знаменами
МАЛЬКОЛЬМ, СТАРЫЙ СИВАРД, РОСС,
ТАНЫ и СОЛДАТЫ.

МАЛЬКОЛЬМ. Увидеть бы живыми всех друзей.

СТАРЫЙ СИВАРД. Навряд ли. Но поскольку нет немногих,
Мы дешево отделались, милорд.
МАЛЬКОЛЬМ. Не с нами сын ваш храбрый и Макдаф.
РОСС. Ваш юный сын долг чести заплатил.
Едва вошел в лета мужские он,
Но та отвага, та неукротимость,
С какими он сражался и погиб,
Присущи мужу.

СТАРЫЙ СИВАРД. Значит, сын убит?

РОСС. И с поля боя вынесен. Не надо
Равнять печаль по доблестям его,
Иначе ей вовеки не излиться.

СТАРЫЙ СИВАРД. Он встретил смерть лицом?

РОСС. Лицом к лицу.

СИВАРД. Тогда он будет воином небесным.

Имей сынов я больше, чем волос,
Иной бы смерти им не пожелал.
И это вся по сыну панихида.

МАЛЬКОЛЬМ. Ваш сын достоин лучших похорон.

Мой долг — по нем скорбеть.

СТАРЫЙ СИВАРД. Так не пойдет.

Он отдал долг и получил расчет.
И да пребудет с ним Господь вовеки.

Входит МАКДАФ с головой МАКБЕТА.

А нас утешит доблестный Макдаф.

МАКДАФ. Да здравствует Малькольм, король законный!

Пал узурпатор! Минул горя час!
Король в кругу жемчужин королевства.
У всех душа ликует, а теперь
Со мною вместе грянем, господа:

Да здравствует шотландский государь!

ВСЕ. Да здравствует шотландский государь!

Трубы.

МАЛЬКОЛЬМ. Теперь не время в должниках ходить,

И за любовь оплатим мы любовью.
В Шотландии мы вводим графский сан
И нашим танам, родственникам нашим
Его даем. Затем вернем домой —
На что немало времени уйдет —
Изгнанников-друзей, избегших чудом

Силков настороженного тирана.
Найдем подручных палача на троне
И дьяволицы в юбке — королевы,
Что руки на себя, как говорят,
Сама и наложила. Остальное,
На Бога уповая, час придет
По мере сил исполним в свой черед.
А с теми, кто остался верен трону,
Мы едем в Скон, где я приму корону.

(Трубы. Все уходят.)

24 апреля 1991 — 12 декабря 1991

